

LES MONTAGNARDS DU CAUCASE — THE MOUNTAINEERS OF CAUCASIA

№ 45 ноябрь — 1933 — 2-nci teşrin № 45

СОДЕРЖАНИЕ — İÇİNDEKİLER

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

KALEM HAKKI VERILMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ „ГОРЦЫ КАВКАЗА" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес.	на год
Во всех странах Европы .	0,50 долл.	1 долл
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки	1 долл.	1,5 долл.

Цена отдельного номера 5 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Włodarzewska Nr. 17 m. 18, Warszawa, Pologne.

„KAFKASYA DAĞLILARI" MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl.
Avrupanın her memleketinde	0,5 dol.	1 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada	1 dol.	1,5 dol.

Tek nushası 5 fransiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Włodarzewska Nr. 17 m. 18, Warszawa, Pologne.

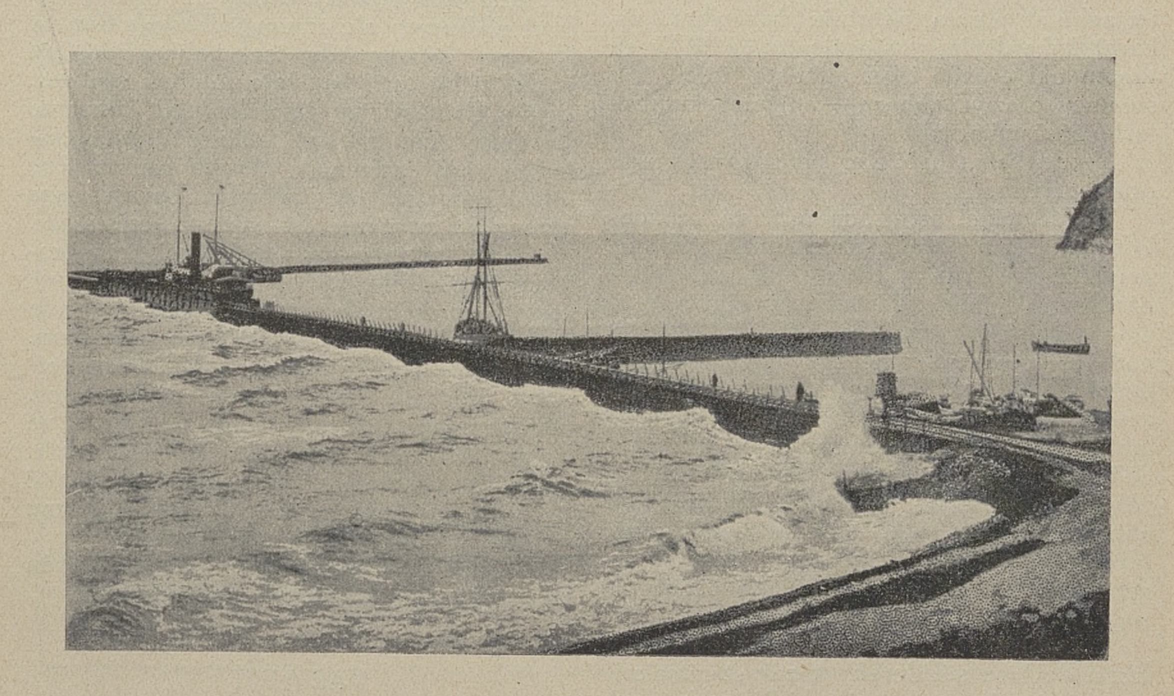
Горцы Кавказа = Kafkasya Dağlıları

LES MONTAGNARDS DU CAUCASE — THE MOUNTAINEERS OF CAUCASIA

ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

№ 45 НОЯБРЬ — 1933 — 2-nçi TEŞRİN № 45

TUAPSE RIHTIMI — ПОРТ В ТУАПСЕ

Resim rıhtımın harpten evelki manzarasını tasvir eder; hali hazırda Sunc-Kaladan Tuapseye çekilen petrol borusu sayesinde rıhtım hayli genişlemiş ve petrol gemilerinin yanaşmasına müsait bir şekil almıştır.

Фотография представляет вид порта до мировой войны; в настоящее время, в связи с проведением нефтепровода из Сундж-Кала в Туапсе, порт значительно расширен и приспособлен для погрузки нефтеналивных судов.

Şimalî Kafkasyanın geçmisi ve gelecegi

ŞİMALÎ KAFKASYANIN HUDUDU

Rusyanın Kafkasyaya sistematik surette girişine kadar Şimalî Kafkasyanın hududu Don ve Volga nehirlerinin mensaplarına dayaniyordu. Baş Kafkasya dağlarından Don ve Volgaya kadar yayılan erazi üzerinde hür ve müstakil hayat yaşayan Şimalî Kafkasya kabileleri yaşamakta idi.

Daha 18-nci asrın ikinci yarısında Manıç nehri navzasında ve ondan şimale noğaylar yaşıyorlardı.

Taman'dan Mingrelya'ya kadar, Karadeniz sahilinde abhaz — adiğeler oturuyorlardı. Bunlar aynı zamanda Kafkasya dağlarının garp kısmını Kuban nehrinin her iki sahilini Kuma nehrinin kaynağını, nihayet kabardaylar vasitasile Kuma ile Terek arasındaki eraziyi işğal etmekte idiler. Bu sonuncu erazıyı abhaza — adiğeler kumuklarla bölüşmüşlerdi.

Yerde kalan kabileler şimdiki yerlerinde oturuyorlardı.

On sekizinci asrın sonunda ve on dokuzuncu asrın altmış yılı zarfında rus imperyalizmi Şimalî Kafkasyanın etnografik harıtasına mühim degişiklikler ilâve etti. On sekizinci asrın sununda rus ordusu noğayların hemen hepsini imha etmişti. Onların çok az bir kısmi Kuma ile Terek arasında ve Kumanın şimalîndeki yerlerde mevcüdiyetlerini muhafaza ediyorlardı. On dokuzuncu asrın ilk yarısında Türkiyeye vaki olan umumî mühaciret neticesinde abhaz-adiğelerin de mıktarı çok azaldı. Mühaciret ve bitmez-tükenmez harplar diger kabileleri de, abhaz-adiğeler kadar olmasada, fakat gene azalttı.

Mühaciret etmiyen ve vatanda kalan kısım dağlara sürülerek, kazak stanitsalarının zencir gibi katarlarile birbirinden uzak yaşamağa icbar edildiler.

Bütün bunlar neticesinde Şimalî Kafkasyanın etnik - siyasî hududu haylı cenuba çekildi. Tarihler boyu kendilerinin olan toprakların yarısı şimalî kafkasyalılardan alınarak rus - islav unsurlarına verildi.

Şimalî Kafkasya millî tefekkürü, erazı hakkındaki taleplerini tesbit ederken bu vaz'iyeti nazari itibara almalı idi. Bu işe amelî olarak yaklaşmak, millî sımasını daha kaybetmemiş, muhafazası mümkün olan saklamalı idi. İçinde, az zaman zarfında, müşkülatsiz olarak Şimali Kafkasyanın millî pozisiyonunu kurmak mümkün olacak bir hudut tayin etmek lazım geliyordu.

Filhakika, 1918 de Şimalî Kafkasyanın istiklâlini ilan eden beyannamede böyle bir hudut cizilmişti. Bu hudut şimalde Kuban ve Kuma nehirlerinde başlıyor, cenupta ise kardeş Azerbaycan ve Gürcüstan hudutlarına dayanıyordu. Millî Şimalî Kafkasya bu hudut içinde toplanmıştı. Burada, şimal indekinden farklı cenuba: Azerbaycana, Gürcüstana, Küçük Asyaya ve nihayet Avrupaya doğru can atan hususî bir, ictimaî - etnık, iktisadî ve millî hayat veteşkilat hükmediyordu.

Geçmişte, siyasî ve cografî olarak Şimalî Kafkasya (alelumum Kafkasya) Don ve Volgaya dayanıyordu ise, halihazırda, ne yazık, ki bu tarif hakikata tetabuk etmiyor. Bugün Kafkasyanın şimal hududu Kuban ve Kumadır. Küçük Asya da burda hıtam buluyor, şarkî Avrupa da burada başlar. Rus imperyalizminin iki yüz yıllık savaşı boşa gitmemiş, kıt'aların hududunu degişmiştir.

Fakat bu kıt'alara yeyelenmek için açılan savaş bitmemiştir. Hali hazırda bu savaşta muvakkat bir zaman için, yakında yeni bir hamleyle patlamak üzre, susmuştur. Bu savaşta Şimalî Kafkasya, her zaman olduğu gibi ilk siper rolunu oynıyacaktır. Yakın şarkın mukadderatı gene Kuban ve Kuma nehirleri sahilinde halledilecektir. Çünkü Yakın şark ailesine mensup Şimalî Kafkasya bu nehirler üzerinde pozisiyonunu muhafaza eden biricik memlekettir.

Şimalî Kafkasyanın bu savaşta imkân ve rolu hakkında aşağıda bahsedecegiz.

ŞİMALÎ KAFKASYANIN HAZIRKİ VAZ'İYETİ

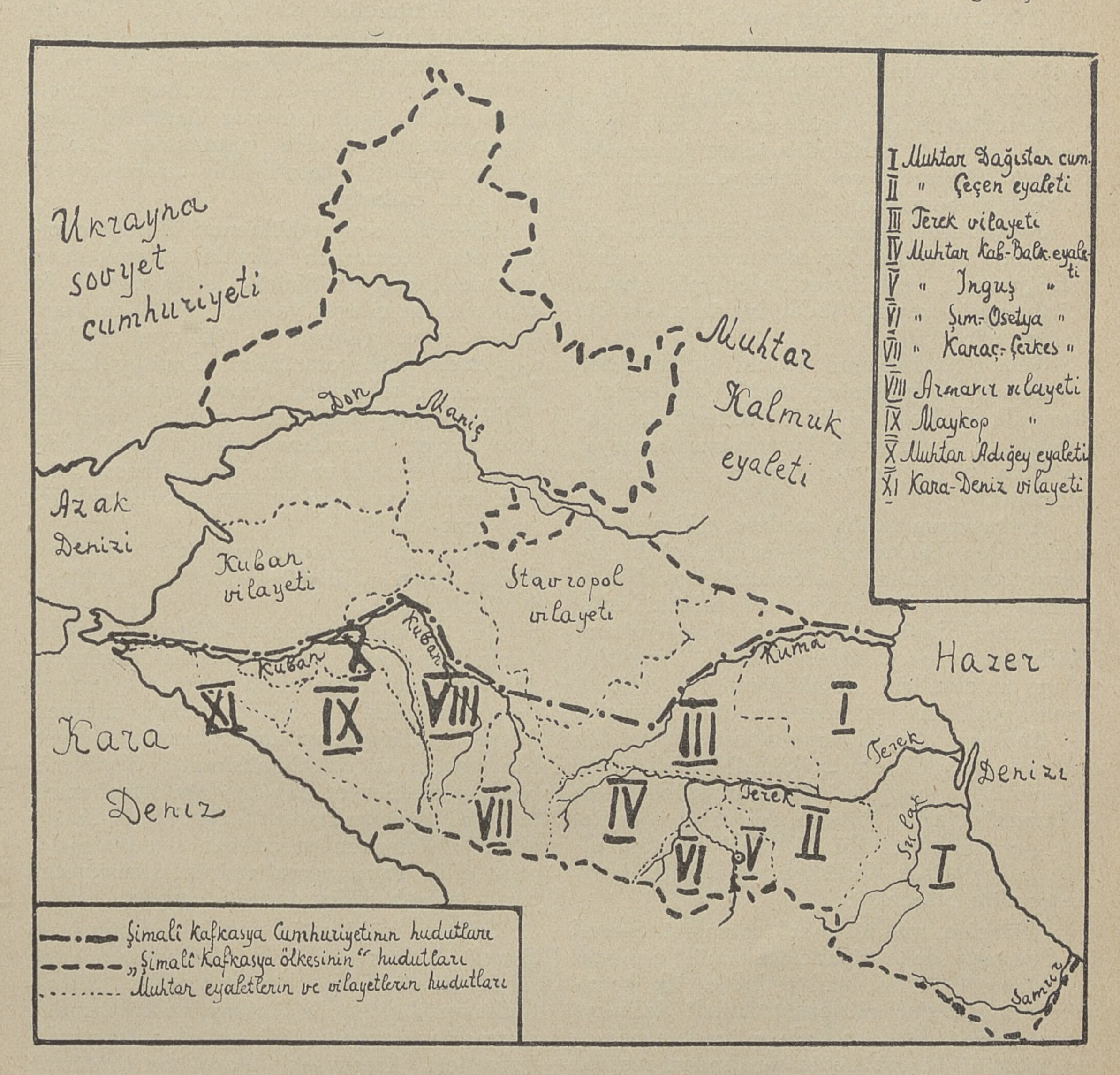
Mülkî teşkilat

1864 den sonra Kafkasyada kat'î surette yerleşen rus imperyalizmi Şimalî Kafkasyayı bir çok vilayet ye eyaletlerere taksim etti. Dağıstanın düzeninden bir parçasile dağlık kısımlarından mürekkep bir Dağıstan eyaleti yarattı. Dağıstanın diger kısmile Çeçen, İnguş, Osetin, Kabarday, Balkar ve Noğay ölkelerinden Terek eyaleti ve Stavropol vilayet teşekkül etti.

Karaçay ve Garbî Adiğey Kuban eyaletinin cenup kısmını (Kuban nehrine kadar)

Karadeniz vilayetini teşkil ettiler. Bundan başka Abhaziyadan Suhum mıntakası yaratıldı. Kafkasya dağlarının cenubunda yaşayan osetinler Tiflis vilayetine girdiler, dağıstanlıların bir kısmı ise (avar ve kürenleketin bir kısmı daha istilâ altında idi ve genç cumhuriyet kendi mevcudiyeti uğrunda gâh aklarla, gâh da kızıllarla kanlı muharebe yürütmekte idi.

1921 senesi ilk baharına doğru Şimalî

Şimalî Kafkasyanın hali hazırdaki mülkî harıtası.

ler) Zakatal ve Bakû vilayetlerine ithal edileiler.

Rus inkilâbinden sonra Rusya parçalandı ve 1918 senesi 11 Mayısta Şimalî Kafkasya cumhuriyetinin istiklâli ilan edildi. Cumhuriyet hükûmeti istila kuvvetinin mülkî teşkilatını lagvederek Şimalî Kafkasya vilayetlerinin tarihî isimlerini ihya eyledi. Fakat mülkî islahat ikmal edilemedi; çünkü memKafkasyada sovyet hükûmeti galip çıktı. Bu hükûmetin cenubî Kafkasyada—Azerbaycan, Ermenistan ve Gürcüstanda yerleşmesi de o zamanlara tesadüf ediyordu.

Kafkasya gene mülkî taksimat ve tebeddülata maruz kalıyordu. Azerbaycan, Ermenistan ve Gürcüstandan ibaret mahut „Maverayi Kafkasya federasyonu" teşkil olundu.

Cenubî osetinler ve abhazlar birer „muhtar vâhit" halinde Gürcüstana tâbi edildiler. Cenubî dağıstanlılar „muhtariyet" almadan, „azlık millet" halinde Azerbaycan içerisinde kaldı.

„Mav. Kafkasya federasyonu" teşkili Şimalî Kafkasyayı, idarî cihetten Kafkasyanın başka kısımlarından temamile ayırdı. Çar imperyalizmi zamanında Kafkasya administratif bir vahdet teşkil edip „çarın Kafkasya nayibi" tarafından idare olunurdu. Sovyet hükûmeti çar imperyalizminin bu an'anesini bozmuştu.

Sovyetlerin bununla ne istedikleri aşikâr idi. Dünyanın hiç bir imperyalist devleti „parçala ve hükmet" prensipini sovyet hükûmetinin yaptığı kadar bir israrla tatbik etmemiştir.

Şimalî Kafkasyanın cenubî Kafkasyadan ayrılması bu prensipin tatbiki neticesidir. Bununla Kafkasya millî kuvvetlerini parçalamak ve bu sayede burada rus imperyalizminin pozisiyonunu tahkim etmek istenilmiştir.

Kafkasyanın tarihî, medenî, ırkî ve ilh... birliğinden bahsetmek yersizdir, çünkü bu kıymetler Kremlin „materyalistlerince" rettedilmekte, burjua kıymetleri telakki edilmektedir. Fakat kızil rus imperyalizmi Kafkasyayı parçalarken, kendi prensipi olan materyalizm objektivizmi ve iktisadî makuliyet esasları aleyhine dahi gitmiştir.

Kafkasya heyeti umumiyesile, ideal bir şekilde teşekkül etmiş iktisadî bir vücüttür. Komünist „materyalistleri", „parçala ve hükmek" şiarına itaaten, bu vahit organizmi parçaladılar. Çünkü idarî cihetten olsun parçalanmış Kafkasya, emniyetle istismar edile bilecektir.

„Parçala ve hükmet" prensipi Şimalî Kafkasyada daha ziyade „tekâmül" etmiştir. Daha 1920 de, kızıl ordu ile ilk komiserlerin gelişini müteakip Şimalî Kafkasya cumhuriyeti (ki Denikinle mücadele zamanı istiklâli bizzat Lenin tarafından resmen tastik edilmişti) biri Dağıstan, öbiri Gorski (Dag) olmak üzre, iki „muhtar cumhuriyete" taksim edildi. Dağıstan cumhuriyetine asil Dağıstanla Terekle Kuma nehirleri arasındaki erazinin şark kısmını işgal eden noğaylar girdiler. Gorski cumhuriyetine giren yerler: Çeçen, İnguş, Şimalî Osetin, Kabarday, Balkar, Kara-Çay ve Garbî Adiğenin az bir kısmı (Batal-Paşa nahiyesi) oldu. Şimalî Kafkasyanın büyük bir kısmı bu „muhtar cumhuriyetler" haricinde bırakıldı, Terek-Kuma arasındaki erazinin garp kısmile (Mazdek ve Gum), Psıhuabe (Piatigorsk) ve bütün Garbî Adiğe, Kara denize kadar, bu, haricde bırakılan yerler cümlesindendir.

Şimalî Kafkasyanın böyle parçalanması sovyet hükûmetine az göründü. 1922 de Gorski cumhuriytinden: 1—Karaçay—Çerkes muhtar vilayeti, 2—Kabarday—Balkar muhtar vilayeti, ve 3—Çecen muhtar vilayeti tefrik edildi. Ayni zamanda Garbî Adiğede, Kuban nehrinin orta havzasında „Adiğe muhtar eyaleti" namile bir „cumhuriyet" dahi icat edilmiştir.

1924 de sovyet hükûmeti Gorski cumhuriyetini temamile likvide ederek onun yerinde İnguş ve Şimalî Osetin namile iki yeni muhtar vilayet yarattı. 1928 de Kara Çay—Çerkes vilayeti de iki ayrı „muhtar vilayetlere" parçalandılar. Ayni yılldarda Kara deniz sahilinde, Tuapsı mıntakasında „Millî Şapsug nahiyesi" namile yeni bir „muhtariyet" meydana geldi, Garbî Adiğe'de iki ermeni ve bir rum (bilhassa Türkiye ermeni ve rumları için) „millî nahiyeler" icat edildi.

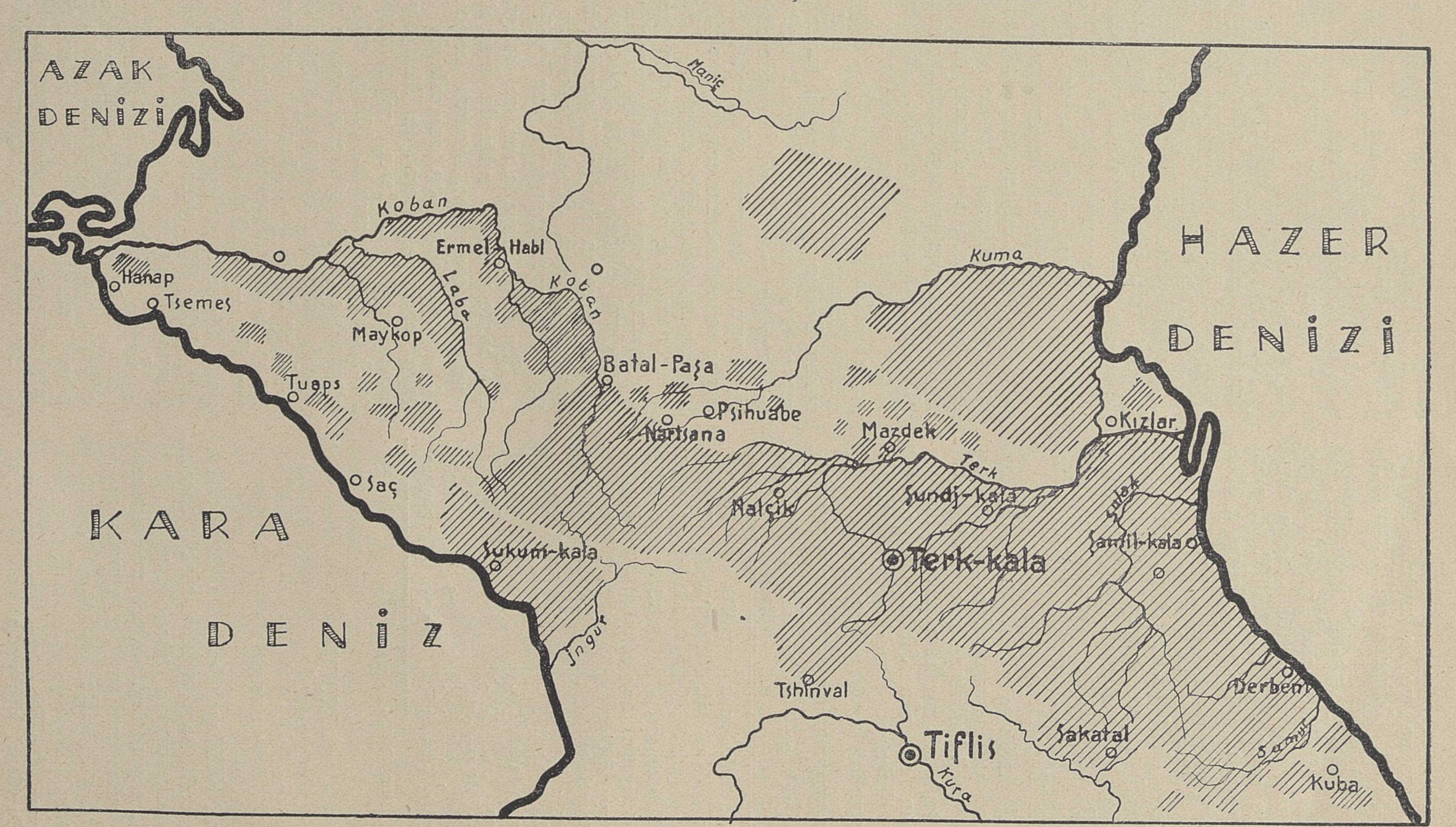
Bütün bu „muhtar vilayetler" merkezi Rostof olan „Şimalî Kafkasya ölkesine" dahil oluyorlar.

Bu „Şimalî Kafkasya ölkesinin", nufusunun ekseriyeti itibarile Şimalî Kafkasya ile hiç bir münasebeti yoktur. Hududu Don nehrinden de şimale uzanıp merkezi Rusya ile Ukraynanın hudutlarına dayanıyor. Bu gayri tabiî idarî taksimatın yaratılmasında gene Sovyet hükûmetinin siyasî emelleri rol oynamaktadır. „Şimalî Kafkasya ölkesi", Rusyanın parçalama siysetinin devamı olup, rus imperyalizminin hakimiyetini temin etmek endişesinden doguyor.

Sovyet hükûmeti, pek âla biliyor, ki Şimalî Kafkasya, bütün Kafkasyada hakimiyeti temin eden bir anahtardır. Şimalî Kafkasya ile cenubu Kafkasyayı birbirinden ayırmakla, sovyet hükûmeti Kafkasya millî kuvvetleri üzerindeki murakaba imkânını kazanmış oluyor ve ayni zamanda bu milletlerin müşterek hareketlerini, müşkülata maruz bırakıyor. Bunun için ayrıca olarak Şimalî Kafkasyayı dahi parça-parça doğramıştır. Bu vasita ile sovyet hükûmeti Şimalî Kafkasyanın millî birliğini bozmak istemiştir. Fakat, Moskva bunu dahi az bulmuş, çünkü Şimalî Kafkasyanın hudutları dahilinde asıl yerli ahali ekseriyet teşkil ederler ve parçalanmış halde iken ğene memleketin hayatına tesirsiz kalmazlar.

Ona göre Şimalî Kafkasyada bir rus

ŞİMALÎ KAFKASYALILARIN YAYILIŞINI GÖSTERİR HARITA.

İnce cizgiler ş. kafkasyalilarin 70% den 100%-e kadar teşkil ettikleri mahalleri göstermektedir.

ekseriyeti yaratmak ve bu kuvvete dayanarak asıl Şimalî Kafkasya millî hareketini boğmak lâzım geldi.

Tabiî yol ile olamazdı. Külliyetli müi haciret de imkânsızdı, zira bu mühacirler- yerleştirecek yer mahduttu. Rusya sun'î bir çareye müracaat etti: mülkî bir mantıksızlık yarattı — „Şimalî Kafkasya ölkesi" vücüde gatirdi.

Bu „Ölkenin" 9.000 000-luk nufusu içinde yerli ahali ancak 3.000.000 teşkil eder. Hanği taraftan baksan, „Şimalî Kafkasya ölkesi" mânası olmıyan bir taksimattir. Bu „Ölkenin" yaşamasını icap ettiren ne iktisadî, medeni, tarihî sebep var, ne de idarî bir sebep.

„Şimalî Kafkasya ölkesi" siyasî bir tahakküm sılahıdır: burada 6 milyon rus-islav 3 milyon yerli kafkasyalıların millî istiklâl hayatını imkânsiz bir hâle sokacaktır.

Bu faslın sonunda Şimalî Kafkasyanın („Şimalî Kafkasya ölkesi" değil) bugünkü mülkî cetvelini kaydetmek isterim.

Vilayetler	Mesaha bin murab. kilm	Nufus
1. Dağıstan muht. cum.	58·9	1.300.000
2. Çeçen „ vil.	11·3	750.000
3. İnguş „ „	3·1	110.000
4. Şimalî Osetin „	9·5	300.000
5. Terek vilayeti . . .	21·2	400.000
6. Kabarday - Balkar muhtar vilayeti . .	12·0	260.000
7. Karaçay - Çerkes muhtar vilayeti *) .	11.5	180.000
8. Armavir vilayeti . .	9·6	380.000
9. Maykop „ . .	11·9	300.000
10. Muhtar Adiğey vilayeti	2·6	130.000
11. Karadeniz vilayeti .	12·5	200.000
mecmuu . .	165·1	4.210.000

NUFUS

Ahalinin mıktarı ve milliyetce tasnıfı

Şimalî Kafkasya ahalisinin kitleyi aslıyesini şimalî kafkasyalılar teşkil ederler. Şimalî kafkasyalılar, dillerinin yakınlığı itibarile dört grup teşkil eden muhtelif kabilelere ayrılmaktadırlar. Bu gruplar da:

1. Abhaz - Adiğe (abhaz - abazalar ve adiğeyler);

*) Bu vilayet ikiye ayrılmadan.

2. Türkler (karaçay, balkar, kumuk, nogay, türkmen);
3. İrani - Osetinler (osetinler ve dağıstan da bir mıktar tatlar);
4. Çeçen - Dağıstan (çeçen, inguş ve dağıstanlılar).

Bu asıl şimalî kafkasyalılardan başka buralarda azlıkta kalan milletler de var ki, artık kısmı âzami yerlileşmiş addoluna bilirler. Bu azlık milletler Dağıstan ve Kabardaydaki yehudiler, Derbenteki azeriler ve nihayet Armavirdeki ermenilerdir, ki ermeniler kendi dillerini itirmişler ve Adığey şivelerinden birinde konuşuyorlar (Armavir şehri Adiğey'cede Ermeni — köy tesmiye olunuyor).

Diğer azlıklar rus imperyalizminin mahsulu olup Şimalî Kafkasyaya çok yakın zamanda gelmişlerdir (bilhassa 1864 den sonra). Bunların başlıcaları rus ve ukraynalıdır. İlk sırada bunlar rus imperyalizminin şimalî kafkasyalılardan aldığı yerlerde iskân eylediği kazak ve köylü rusların evlatlarıdır. Bu unsunlar, bilhassa kazaklar istilâ hükûmetinin elinde daima sadık bir silah rolunu oynamıştır. Bunlar son zamanlara kadar, hatta sovyet devrinde bile, Şimalî Kafkasyada mümtaz bir mevki işgal etmişlerdir. Rus ve ukraynalı unsurlar şehirlerde, bilhassa ruslar sanayi merkezlerinde, ahalinin mühim bir kısmını teşkil ederler. Bunlar da ekseren memur ve amelelerden ibarettir. Bu sonuncu sovyet devrinde, kazakların çar devrindeki rolunu oymağa başlamıştır. Bu noktai nazardan olacak, ki sovyet hükûmeti son zamanlarda Şimalî Kafkasyaya külliyetli rus amelesi sevkine şuru etmiştir.

Şimali Kafkasyada rus ve ukraynalılardan başka mahsus mıktarda ermeniler de vardir. Bu ermeniler, Armavir ermenilerinden başka olup, son zamanlarda buraya gelmişlerdir ve ekseren de Türkiye ve İran ermenileridir. Bunların çoğu sovyetlerin 1920 tahriri nufusunda, Türkiye tab'ası gösterilmişlerdir. Bu gibilerin başında bilhassa Garbî Adiğeyin Maykop mintakasile Kara deniz sahillerinde tütünçülük edenler duruyor. Şimalî Kafkasyadaki ermenilerin mıktarı 160 — 180.000 kişidir. Garp nahiyelerinde köylerde yerleşmiş, ve, kaydettigimiz gibi, tütünçülük yapan bu ermeniler, şark kısmında şehirlerde oturuyorlar.

Şimalî Kafkasyada rumlar da vardır. Onlar da ermeniler gibi, tütünçülükle iştigal ederler. Rumların mıktarı 30.000 olup 1920 tahriri nufusunda Türkiye tab'ası gösterilmişlerdir ve Garbî Adiğeyde oturuyorlar.

Bunlardan başka Şimalî Kafkasyada

60 — 70 000-e kadar alman kolonistleri de vardır. Az mıktarda italyan, eston ve çeh'ler de mevcuttur. Şehirlerde 15 000-e kadar lehler var. Bunlar Lehistan istiklâl hareketinde iştirak ettikleri için Kafkasyaya sürülen mücahitlerin evlatlarıdır.

Memleketin orta ve şark kısımlarında (yâni: Dağıstan, Kabarday - Balkar, Şimalî Osetiya, İnguş, Ceçen ve Terek vilayetlerinde) asıl şimalî kafkasyalılar ahalinin kahir bir ekseriyetini teşkil ederler. Buraların 2.370.000 şimalî kafkasyalılarına karşı rus, ukraynalı, ermeni, alman v. s. nin mecmun 630.000 dir.

Bu azlıkların çoğu şehirlerde oturuyorlar. Köylerde oturanlar ancak Terek vileyetinde taplanmıştır. Bu da rus imperyalizminin 18 nci asır nihayetlerinden başlıyan imha ve tahrip siyasetinin neticesidîr. Sun'î surette yapılan iskân ve imha neticesinde Terek vilayetinin 400 000 nufusu içinde şimalî kafkasyalıların mıktarı 70.000-e inümitsiz değildir. Terek vilayetinde olduğu gibi, burada hahi muhtelif milletler yaşamakta olup, şimalî kafkasyalılar mühim bir nisbet teşkil ederler. Bu kadar kâfidir, ki sovyet hükûmeti bile, mevcut Şimalî Kafkasya „muhtariyetlerinden" (Adiğey, Karaçay, Çerkes, Şapsug v. s.) başka burada 2 ermeni, bir rum ve bir de alman millî mıntakaları yaratmaya büzum bissettî. Bu karma karışık milletler arasında ş. kafkasyalılar en büyük millî grupu temsil ederler. Garbî Adiğeyin 1.200.000 nufusu içinde şimalî kafkasıyalıların sayısı 320.000, rus 300.000, ukraynalı 260 — 280 bin, ermeni 100 000, rum 30.000, alman30.000 veilh...

Bu rakamlar, şimalî karkasyalıların mânevî haklarını teyit eder. Vatana dönmege can atan mühacireti de ilave dersek real imkânlazımızın kuvveti bir kat daha artar.

Alelumum Şimalî Kafkasya ahalisinin taksimatı şöyledir; 4.210.000 kişilik nufus içerisinde:

Şimalî Kafkas.		Ruslar*)		Ukraynalı		Ermeni		Saire	
mıktar	%%	mıktar	%%	mıktar	%%	mıktar	%%	mıktar	%%
2.690.000	65.8	730.000	17.3	350.000	8.3	180.000	4.2	260.000	6.0

dirilmiştir.

Fakat bu vaz'iyet şimalî kafkasyalıların Terek vilayetindeki millî pozisyonlarını zaif salmamıştır. Unutmamalıdır, ki Terek vilayetini bir çenber içine alan erazi uzerinde şimalî kafkasyalılar kahir bir ekseriyet teskil ederler. Tereki şarktan bugünkü Dağıştan cumhurieti, garptan Kabarday—Balkar vilayeti, cunuptan ise Çeçenistan, İnguşistan ve Osetiya bir halka içerisine almıştır. Ni hayet Terek vilayetindeki azlıklar da muhteliftir: burada ekseriyeti şehirlerde yaşayan 130,000 rus, 60.000 ukraynalı, 40.000 ermeni, bir o kadar da alman yaşamaktadır. Böyle bir vaz'iyet içerisinde burada bir milletin ekserietinden bahsedilemez. Buna mukabil şimalî kafkasyalıların Terek üzerinde olan tarihî hakları her bir şüpheden âridir. Terek asırlar uzunu şimalî kafkasyalıların ana yurtları olmuştur.

Şimalî Kafkasyanın garp kısmında şimalî kafkasyalıların millî pozisyonu bir kadar zaiftir; gerçi rus mühacireti buraya filen 1864 den sonra başlamıştır. Bunun de sebebi rus imperyalizminin cebir ve tazyik siyaseti neticesinde yerli ahalinin Türkiye hicreti olmuştur.

Bununla beraber burada hahi vaz'iyet

Yukarıdaki rakamları ve cetveli sovyet menabiinden—o cümleden olmak üzre, sovyet müellîflerinden D. Mityayefin „Sovyet sosyalist cumhuriyetleri birliği" ve İ. P. Traynin'in „S.S.S.R. ve milliyet mes'elesi" eserlerinden istifade ettik. Sovyetlerin vergi ve mektep ahbarları da tarafımızdan istifade edilmiştir. 1926 tahriri nufusu hakikata temamile zıt olduğu için, istifade etmedik. Çünkü bu tahriri nufus şimalî kafkasyalılaryn mıktarını bâzen 1897 tahriri nufusundan da az göstermiştir. Ayni zamanda „muhtar cumhuriyetler" haricinde yaşayan şimalî kafkasyalılar dahi 1926 tahriri nufusuna salınmamıştır. Bu tahriri nufus siyasi bir maksat takip eylediğinden hakikattan uzak olup, şayani itimat değildir.

*) Rusların ve ukraynalıların nisbeten böyle mühim bir mıktar teşkil etmelerinin sebebi sovyet hükümetinin şehirlere ve sanayi merkezlerine yapmakta olduğumütemadi mühacirettir. Bu siyaset neticesinde meselâ Sundj-Kala (Grozni) on yıl esnasında 60 000 nufustan 210.000 e yükselmiştir. Bu şehir yeni gelmiş rus amelesi hesabına artmıştır. Fakat hiç şüphe yoktur ki ilk darba netecesinde memleketle hiç bir alakası olmıyan bu unsurlar geri dönececklerdir. Bunun böyle olacağını Latviya tecrübesile isbat etmek olur. Latviya istiklâlinden sonra rus memur ve amelesinin gitmesile bu memleketin nufusu 60 000 azalmıştır.

Bu faslın sonunda şimdiki Sovyet Gürcüstanla Azerbaycanda yaşayan ş. kafkasyalıları da kaydetmek isterdik. Gürcüstanda (Abhaziya ve Cenubî Osetiya'da) 230.000 şımalî kafkasyalı yaşamaktadır (100.000 abhaz, 130.000 osetin). Azerbaycanda ise 60.000 değıstanlı vardır (avar ve kürin).

(devam edecek)

Ahmet Tsalıkkatı

Olülerin hatırası

(Hikâye)

Kan, kanla yıkanır.
(Atalar sözü)

İnce kabarday kulaklarını dikkat vaz'iyetine getirmiş ve sinirli bir halde yügenini gemiren yüksek atını durdurmağa çalışırken Toh, âmirane bir sesle bize:

— Dur! dedi — yana dönelim, bak oracıkta dincelmeğe konalım.

Telesmeden, elinin ahenkli ve âzametli hareketile yeheri üzerinde dönen Toh yolun sol tarafında agaçlar arasındaki çemenliği gösterdi.

Bizim için, Toh ne derse — buyuruktur.

Ve, Toh atını sürerek yana saptığı vakitt biz — Dato ve ben, dahi kemali itaat ve hürmetle rehberimizi takip ediyoruz.

Toh, dutgun bir sesle:

— Burda!

diye atını durdurdu ve ayağını yeherden atmağa vakit bulmadan ben hazırım: sağ elimle atın başını, sol elimle üzengiyi tutuyorum.

Yaşına bakmıyarak, Toh bir genç çevikligile, sessizce attan fırlıyor. Ve atını verirken, bana hitap ederek dıyor, ki:

— Çok yaşa çocuğum. Allaha çok şükür, ki ruslar arasında yaşarken, babalarımızın bize bıraktıkları adat ve an'aneyi unutmamışsındır. Babalarımız demiş lerdır, ki: „Buğa daha yavru iken belli olur". Babalarımızın bu kelamı ne kadar dogrudur!

Sol elinin işaret parmağını o, telkınkâr bir tavurla kaldırıyor ve ben, kül renkindeki kalın kaşlarının yarım dairen halinde birleştiğini ve boz gözlerinin keskin bakış larını göriyorum.

Benimle beraber Dato dahi attan atlıyarak, eyi terbiye görmüş bir küçük yaşlıya yakışır bir tarzda Toh'un söylediklerini teyit etmeğe başladı:

— Doğru diyorsunuz hürmetli büyügümuz, dogru diyorsunuz.

Ve ayni zamanda ben onun da atını teslim alıyorum.

Atları bir tarafa çektim, agızlarından demiri çıkardım, bellerini boşaltım ve terleri sovusun diye bir kadar dolaştırdıktan sonra bagladım.

Atlar silkindiler, nefes aldılar ve şehle örtülü ota hücum ettiler.

Büyüklerin yanına döndügüm zaman ortada ocak yanıyordu. Odun etrafında ise yapıncılar serilmişti. Dato diz çökmüş bir vaz'iyette atın yeherinden aldığı çantadan: reçel, toyuk, koyun peniri, sogan, ak bugday unundan yapılmış çörek, pişmış, hatta kabuk ları atılmış yumurta gibi yemeli şeyler çıkarmakta idi. Onun yanında yapıncı üzerinde Toh oturuyordu. O, bir heykel gibi hareketsizdi. Lakaydı bir bakışla Dato'nun çevik hareketlerini takip ediyordu.

Süfre hazırlanmıştı. Eyi haşlanmış toyuğu esas kısımlarına parçalamak Dato için bir mes'ele teşkil etmiyordu. Penir ve ekmek ince ince dogranmış, çagırır bir halde duruyorlardı. Bu ameliyat için Dato geniş hancerinin arka tarafından bir kaşık, ince ve uzun bir biçak çıkarmıştı. Bu biçakla o mahirane bir surette çalısıyordu. Dato hazırlıklarını ikmal edince Toh bana dönoü:

— Çocuk, sen de otur!

dedi.

Ben imtinaya işaret olan bir şekilde başımı salladım. Ve iki elimle hancerime daynarak durdum.

Toh, daha âmirane bir sesle:

— Otur diyorum sana! Biz yol üzerindeyiz ve birde, sen alelâde bir aul çocuğu değilsin.

Toh, başının hareketi ve çok güçlükle tutulan bir asabiyetle bir daha:

— Otur!

dediği zaman ben hemen yapıncının bir kenarına oturuyorum.

Ekmeği keserken Toh, âbidane bir sesle:

— Bismillah...

diye mırıldandı. Ve telesmeden küçük bir tikeyi agzına götürdü. Uzun ve çok dikkatla çeğnedi.

Biz de aynile hareket ediyoruz.

Yemek tam bir süküt içerisinde geçiyor. Biz çok acız. Fakat açlıgını hissettirmek, yemekte telesmek ve aç göz olmak, bir Dağlıya yakışmaz harekettir, ayıptır.

Son bahar gecesi. Karanlık çok tez cöküyor ve bizi dört bir taraftan bürüyor. Bütün eşya bu karanlıkta şekillerini gaybe derek, gizleniyorlar Yakındaki, başı daima karla örtülü daglar bile görünmiyor. Gökte bir tane olsun yıldız bile yoktur.

Yalnız nereden ise daglardan sovuk inerek sıcak kışlık beşmetimizin pamukları arasından vücudumuza işlemeğe başlıyor.

„Korkulu macera kahramanları" için daima aziz ve sevimli olan karanlık Kafkasya gecelerinden biri giriyordu.

Süküt. Bâzen başımız üzerinde esen yelin acıklı nalesini eşidiyoruz; solğun yaprakların sesini duyuyoruz. Ve bütün bu seslerin yüregimde uyandırdığı kederi, gami duyuyorum.

Hayalimde solmuş, son bahar ormanının masalı canlanıyor.

Ve bu masala, kaba bir nesir halinde atların „fırr" diyen burun boşaltmaları karışıyor.

Toh'un atının boguk nefes çekmesini, bahar hayatına yeni ayak basmış kendine güvenen abdal atımın ayak dökmesini ve Dato'nun çok şeyler görmüş güzel kara atının ahenktar öskürügünü aydın bir surette tefrik ede biliyorum.

Yemek bitmiş.

Toh, iki ellerinin parmak uclerile, kısmen beyazlaşmış sarımtırak sakalını doğrultarək:

— Elhamdulillah!..

dedi.

Dinmez oturuyoruz.

Ancak şimdi göz altından, gizlice Tohu tetkika koyuluyorum.

Ocaktaki ateş yüzüne aksetmiş ve ona fantastik bir şekil vermiştir.

Geniş hancer veya kılıc yarasının yeri (yarma), gözünün tam yanından, kulağına yakın bir yerden, yanağını ikiye ayırmıştır. Bu yarmada korkunç bir şeyler okunuyor. Osetin değil, daha ziyade çeçen tipi olan ince, ortadan kabarık burnu yırtıcı ve anut bir halde dikilmiştir.

Derine düşmüş küçük gözleri, ormanda koyun sürüsüne yakın bir yerde duran ac bir kurdun gözleri gibi parlıyor, ocaktaki ateşi aksettiren bu gözler kızarmış bir kömüre benziyordu.

Kısa kesilmiş bıyıkları altından sakin — istihzalı dodaklarının solgun cizğisi görünüyordu.

O düz ve dik oturmuştu, ve ben onun kayış bir kuşakla bürünmüş yüksek boyunu aşikâr tetkik ede biliyorum. Kuşağına boğlı olan geniş kara hanceri her bır bezekten âri idi. O arık ve balık etli bir vücuda malikti. Yanında duran karabin tüfenğile, rivayete göre, Toh gökte üçan kuşlara bile aman vermezdi. Ölüm kasitlerile dolu olan patrontaşı dizleri üzerinde bir yılan gibi kıvrılmıştı.

İşte, bütün hatayatını ormanlarda geçiren Toh bu adamdı.

O konuşmıyordu; derin düşünceye dalmıştı.

Biz de konuşmıyorduk. Onun sükütünü biz küçükler bozamazdık.

Fakat, macera ve tehlike özlyen yüreğim sevincle çarpıyor, muhayyelem kuvvetle işliyordu.

* * *

Ben, pansiyonunun dört duvarları arasında gencliğimin en tatlı günlerini geçirmiş olduğum liseyi yeni ikmal etmiştim; oradan dogma avuluma ancak kısa yaz tatillerinde giderdim. Lisenin, bana eyilikler aşılamak istiyen mesaisine rağmen, benim romantik hayaller ve heyecanlar dolu ruhum degişmeye katliyen boyun egmiyordu. En çok sevdiğim şairin Lermontof olması sebepsiz değildi. Onun „Mitsıri" nam poemasını ezber bilirdim. En çok sevdiğim şiir bu idi:

Ah, ben, bir kardeş gibi,
Fırtına ile kucaklaşseydım
memnun olurdum.
Gözlerimle bulutları izlerdim,
Ellerimle şimşekleri tutardım...

Bana öyle geliyordu, ki bir orkege yakışacak yeğâne saadet korku ve endişe aleminde yaşamaktır. Bu sebeptendir, ki hayatları karıncalar gibi daimî ekinçilik zahmetinde geçen namuslu emekçilerle beraber yaşamak benim canımı sıktı ve beni bir kuvvet, haklarında „fena rivayetler" şâyi olanlara dogru çekti. Hiç gizlemeden söyleye bilirim, ki akrabamızdan Dato — ki onun da hakkında "fena rivayetler" şâyi idi — abrek Toh ile beni görüştüre bileceğini söz verdiği zaman, çok sevinmiştim.

Rus kültürü ile yetişmiş ve harbiye mektebinin gelecek talebesi olan benim bu son bahar gecesi abrek Toh ile bir mecliste oturmamın sebebi, işte bu olmuştu.

* * *

...Ben ihtiyarı konuşturmak istiyordum. Onun hayatında ne kadar maceralar olmuştu.. ihtiyar ise direnmiş, dinmiyor. Ve ben de onun sükütünü bozmaga cesaret edemiyorum.

İşte Toh, ağır bir nefes aldı ve dodaklarını teprederek, kendi kendile konuşur gibi, dedi, ki:

— İhtiyarlaştım... yakında sonumdur... Ben ve Dato dahi silkinerek donukluktan çıkıyoruz. İhtiyar ise devam ediyor:

— Ha!...

Ve başını sallıyarak diyor, ki;

Bir zaman vardı... Bu karanlık ormanda ben çok dolaştım. Bütün çıgırlarını gezdim, köklerin içinde, yaprakların arasında yattım. Dağlara tırmandım. Oyuklarda yaşadım... Çoktan... dogma ocağımı çoktan terketmişim... Bak, senin yaşında iken çocuk...

Toh âni olarak bana bakdı, ve ben onun bakışında, yüzünün sertliğile hiç te ahenkdar olmıyan bir seviş sezdim. Sonra o ğene, fakat haha düşünceli olarak, sözlerine devam etti:

— Biz kanlı idik. Kısmetlerine o dünyada eşek kellesi düşesi düşmanlarımız bizden kuvvetli çıktılar Savaşta bütün neslimiz mahvoldu. Sag kalanlar ancak: babam, büyük kardeşim ve ben idim.

Hayatımızda kara günler oldu, fakat öyle bir gün geldi, ki ötekilerden daha kara oldu. Bana kanla yakın olan bu iki kişi de kalmadı...

Toh ağır bir nefes aldıktan sonra sol elini havaya kaldırdı ve baş parmağını sıkarak elini her kelmeye mukabil sallamaya başladı, kelime kelime, dedı, ki:

— Otuz yıldır kulaklarımda ancak tek bir ses var — babamın can verirken, „Kanımı satma!" dediği... O gunden beri hayatımda kıymeti olan yegâne şey..

Toh hatıratın agırlığını tahfif etmek istiyormuş gibi, papağini alnına indirerek büyük bir fasileden sonra şu sözleri ilave etti:

— O şey de ölülerin hatırasıdır.

Sükût.. Yapraklar hışıldıyor. Atların yemekte oldukları otların çıkardıkları sesi eşidiyoruz. Birden gecenin karanlığına aglama sesi karışıyor.

Ben diksiniyorum. Susuyoruz Bir kaç agır saniyeler geçiyor. Hönkürtü gene devam ediyor. Gece sultanı baykuş kendı nagmesini söyliyor. Bizi bürü yen karanlığın bir felaket gizlediğini hissediyorsun.

Dato ateşe bir kaç kuru dal daha attı. Ateş söniyor. Dallar ateş alarak kırılmaga ve çatlamağa başlıyorlar. Daha çok karanlık oluyor ve içimizi daha çok heycan sarıyor. Fakat, alev, odunların kenarından dışarı fırlamakta, ve kızıl dillerile odunları ihate ederek aydın bir ışık halinde yükselmektedir.

Bu alevle beraber benimde içimde mechul bir sevinç ateşi yanmağa başlıyor. Gene Toh'a bakmağa başlıyorum. O, hareketsiz oturuyr. Gözlerini kapamıştı. Alnına kadar basılmış papagının kılları altından kaşları müşkülatla seçile biliyordu. O karabın tüfenğini bir yanından alıpöbir yanına koydu, gözlerini yarım açtı ve bir kaç defa başını salladı. Gene hareketsiz durdu. Derin bir iç çekmeden sonra bana dönerek dedi, ki:

— Evet çocuk, böyle... Ecdadımızın bize vasiyet ettikleri hakikatı sen nerde öğrene bilirsin? Zaten o hakikatı izliyecek adam da çok kalmamıştır. Sen artik ölüleri hatırlamıyacaksın. Hayır!... hatırlamyacaksın. Ben isem bütün hayatım uzunu onları unutmadım. Ever, cocuk, evet...

Ve Toh ölüleri nasıl hatırladığını ve nasıl unutmadığını anlatmağa başladı.

Bir gece o kapıyı vurarak diyor, ki:

— Ey, Taso, aç kapuyu, yorulmuş bir yolcu sizden misafirperverlik istiyor!

Kapılar açılıor ve elinde tüfenk olduğu halde Taso görünüyor. Silah açılıyor ve Taso düşüyor. Bir haha kalkmamak için düşüyor. Toh da, bir daha baba ocağına dönmemek üzre, ormana kaçıyor. O, babasının vasiyetini unutmadığı için babasının kanına mukabil kan-bahası almıyacaktır.

Abrek! kaçak.

Toh abreklik hayatının dastanını anlatıyor.

Onun hikâyesini dikkatla dinliyorum. Bugünden itibaren, içinde yapraklar ve otlar yatak yerini veren oyuklar onun sıkınagıdır. Gizli cıgırlarla o ormanda yürüyerek dikkatla yola çıkıyor. Yüzü başlıkla sarılmış, baslıgın ucları arkada dügümlenmiştir. Başkalarında olduğu gibi onun başlığının ucları arkada kuş kanadı halinde havade yellenmiyor. Tohun yüzü de kapanmıştır. Yalniz alnına eğilmiş papagın altından gözleri parıldamaktadır. Toh pek eyi biliyor, ki tâli onu yüż yüze getirirse düsmandan aman bekleyemiyecektir. Fakat o kendisi de rahmedecek değildir ve kimseden de beklemiyor. Kamçısı atının karnı altında çok az seslenir, fakat o kamçısını kullandığı zaman ormanda tapança sesi koparır; ve bu sesten ormandan geçen yorçular cesur bir yiğitle

karşılaşacaklarına emin olurlar. Kim o? Dost—mu, düşman—mı? Yolçular bu atlının yüzüne bakar, bu korkulu adamın kim oldugunu tayin edemezler,

Toh, icap eden selamı vermeden, sessiz geçiyor. Ve arkasında heyecanlı insan bakışlarının ona teveccuh ettiğini ve bütün agızlardan:

— Abrek.

Nidası çıktığını hissediyor. Evet o abrektir. Hiç bir zaman artık insan cemiyetine dönemez. O, babasının vasiyetini eyi hatırliyor. O, kan bahasi alamaz.

İnce dodakları istihzalı büzgülerle bir biri üżerine basılmıştır. Üzerinde ölüm melekleri uçan başını gururla dört yana çeviriyor. Evet, o pek eyi biliyor, ki başı üzerinde yükselen dagın yamacındaki çoban neş'e dolu şarkını onun için söylemiyor. Toh, şen, oynak ve neş'e içinde eglenen bir düğün alayı gördüğü zaman ormanın kalınlıklarında gızlenmek mecburiyetinde kaliyor.

O ne matem merasimlerinde iştirak ede bilir, ne de Nihas*) ta büyüklerin onünde hürmetle durup ak sakallı ıhtiyarların derin mânalı kelamlarını dinlemek hakkını haizdır.

Bütün bunlar onun için degildir. Aile ocağının rahatı, aile ocağında baba sevinci, kuvvetli ve necip familin himayesi altinda huzur ve emniyet hissi, hepsi ona haramdır.

Orman kurdu. Herkese düşman olan bir...

— Abrek.

— Ne için?

— Ölülere sevği için.

— Ölülere sevği yaşayanlara kin namına.. Onun tâlii işte, bu...

O kimdir?—İdealist, kahraman, veyahut alçak bir katil ve haydut?

Sevği ve kin! Birbirinize nasıl da karışmışsınız.

İlk defa olarak insan hayatı bana karışık ve esrarengiz görünüyor

Tohun şikâyetli sözlerle hikâyesini bitirdiğini eşidiyorum.

— Gitti diyor, her şey gitti... Nereye? Kim bilir? Her şey degişiyor Bu koca orman bile esgisi gibi seslenmiyor.

Toh başını çevirip, karanlığa bakiyor, ormanı dinlemeğe koyulıyor. Ve başını sallıyarak devam ediyor:

— Gitti! Nereye?... Yalnız Allah biliyor.

Yel, Tohun dizine solmuş bir yaprak salıyor. Toh yaprağı çok dikkatla bir kenarından kaldırıp ateşın ışıgına tutuyor, dikkatla bakıyar ve melanholik bir eda ile diyor ki:

İşte yaprak... sararmış. Dogma agacından koparılmış. Yel onu dört bir tarafa koguyor. Yagmur islatıyor. Benim gibi oda yurtsuzdur..

Toh yaprağı ateşe atiyor.

Ve biz de alevin hemen Onu dört bir taraftan bürüdügünü seyrediyoruz.

— Toh sözünde devamla diyor, ki:

— Bununla beraber ben teessüf etmiyorum... Evet, ben eyi yaşadım. Bir erkek böyle yaşamalıdır. Boni daha çok zaman hatırlıyacaklar...

Dinmiyoruz.. Gene süküt.. Ocaktaki kuru dalların sesi eşidiliyor... Süküt.. Vücudumuzda örpürme dolaşımıyor... Geşmişin hayalları başımız üzerinden geçiyorlar. Nereye gidiyor bünlar hep?

Konuşmuyoruz.

...Ağaç dallarının kırılmasından dogan ses bizi ayıltıyor. Yabanî bir domuzun kendine yol açmakta olduğunu zannedersiniz.

Toh hemen yüzünü ormanın bu şüpheli ses gelen tarafına çevirerek baştan ayağa dikkata çevirilıyor. Adalâtı kalkıyer. Karabini eline alıyor. Agaç dallarının hışıltısı bir daha eşidiliyor. Toh hemen yerinden sıçrayor. Benve Dato da yerimizden kalkıyoruz.

— Trah..

sesi ve onun ardınca ormanda ve daglarda:

— Tra—trah!...

aksisedası...

Toh sallanıyor. Karabini elinden bıraktı. Titrek ellarile o yüreğinin başını kazıyor ve düşüyor.

Dato bana,

— Yan tarafa!

diye emrediyor ve kendisi de ocaktan kenara atılarak ormanın karanlığına dalıyor ve askerî bir vaz'iyet alıyor. Ben de elimde tüfenk olduğu halde gölğede gizlenıyorum. Etraf sakitliktir. Yaprakların çıkardıkları ses bile eşidilmiyor. Yüreğim sür'atla vurmağa başlıyor. Göze görünmiyen korkunç bir şey bekliyorum. Fakat, hazırım. Ruhum saglam. azmım yerindedir, çarpışacağım. Bekliyorum.. Süküt... Ocak başındaki Tohtan başka kimse yoktur. Onun:

— Allah... Allah.... Öliyorum!...

sözleri eşidiliyor.

Biz sürünerek ölmekte olan Toh'a yaklaşıyoruz. Parmaklarile o toprağı kazıyor.

*) İhtiyarların toplantı yeri.

Vücudu kıvranıyor. Bir kaç defa bükülüp açıldiktan sonra bütün boyu uzunu uzaniyor ve hareketsiz kalıyor.

Bitti... Ateş söniyor... Karanlık, müthiş... Karanlıkta müşkûlatla görünen ölü üzerinde egiliyoruz. Başımız üzerinde gene yaprakların hışıltısını duyuyoruz. Defin şarkısı!

Hayat! .. Hayat nedir? Hayat ve ölüm!? Karanlık Tohun cesedini kucaklıyor ve kimse, hıç bir kuvvet onu bu sonsuz yoklugun elinden çekip alamaz. İşte, bu kadar. Son budur! Sevinç ve iztirapların, neş'e ve zaferlerin sonu!... Bel ki benim de hayatım karanlıktan gelecek bir ölüm kasidi tarafından nihayete erecektir... Bu fikir içimi gemirmektedir. İşte, bu kadar... Olamaz, mümkün degil!... Bu fikirle asla barışamam. İçimde isyanın kanat gerip çirpındığını hıssediyorum. Ben, insan hayatî üzerinde istihza eden mechul düşmanı savaşa çagıracağım...

Hiddetle yerimdyn fırlıyorum. Tüfenğımi alıp atıyorum. Karanlığa atıyorum. Kurşunla beraber içimden gelen haykırış ta havayı yarıyor:

— Trah. Ha—ha!..

Dato elimi tutarak bağırıyor:

— Ne yapyorsun, delimi oldun?.. Ne bağırırsın? Nereye atıyorsun? Sesten ürken bir gece kuşu başımız üzerinde görünerek, büyük kanatlarını kaba bir surette çarptıktan sonra, karanlıkta gaybolıyor.

Али Султан

Тарикатское учение на Северном Кавказе

Тарикатское учение является продуктом мистических течений в Исламе. В русской литературе оно известно, чаще всего, под названием „мюридизма".

По учению мусульманских мистиков, Ислам состоит из шариата и тариката; первый — учение обрядовое, существует для обыкновенных людей; второй — учение чисто духовного свойства, и оно дается жаждущим его не путем изучения и верования, а путем откровения, или путем передачи по преемственности; высшая степень тариката называется марифатом. (Тарикат — путь ведущий к познанию Бога; марифат — просвещение, познание Бога).

Основателями тарикатского учения считаются первые Халифы, которые, в свою очередь, получили это учение от самого Пророка, а Пророк от Бога. Основная цель тариката — сближение человека с Божеством, которое достигается посредством постоянной молитвы и отречения от мирских благ.

Тарикатское учение подразделяется на несколько толков, а каждый толк, в свою очередь, на несколько орденов. Глава каждого ордена называется шейхом (мюршидом, ишаном, устасом), а члены — мюридами. Шейх — лицо совершенное: один он только может наставлять мюрида на путь истины; ни молитвы, ни пост, ни милостыня (главные основы Ислама), ни отречение от мирских благ не спасут кюрида без благословения шейха. Когда тмо-нибудь из мюридов достигает совершенства, т. е. достойно познал Бога, очистил сердце от привязанности к миру, душою и телом предался служению Богу, он бывает рукополагаем в шейхи. Рукоположение производится главою ордена. Новый шейх получает право сам давать откровения и может основать новый орден.

Появление учения тариката на Северном Кавказе можно отнести к III веку Хиджры. Впервые оно появилось в Дагестане, затем в Чечне и Кумыкетии и, наконец, совсем недавно в Ингушетии, Кабарде, Осетии и т. д.

Мистицизм не свойственен кавкасским горцам. Поэтому учение, в своем первоначальном виде, распространялось среди них с чрезвычайной медленностью. Последователи его насчитывались единицами и об'единялись вокруг 1—2 шейхов.

В конце XVIII века положение изменилось. Отвлеченное религиозно-мистическое учение долженствующее служить целям духовного совершенства, преобразовалось в мирское движение, окрашенное лишь в религиозный цвет. Преобразование произошло под влиянием все более и более угрожающего движения России в глубь Кавказа.

Первым реформатором тариката был Имам Мансур, известный в начале своей жизни под именем Ушурма*).

*) Мансур — по-арабски „победоносный" Этим именем Ушурма был назван после побед над русскими войсками.

Мансур был ученным арабистом, получившим образование у лучших дагестанских теологов того времени. После окончания образования, он был некоторое время муллой в своем родном ауле Алды в Чечне. Это было в начале 80-тых годов XVIII столетия. Русские в то время уже укреплялись по Тереку, в непосредственной близости Чечни, организуя первые звенья известной впоследствии кавказской линии крепостей и укрепленных казачьих станиц. В Чечне-же, как и в других горских областях, в этот опасный момент царили междуусобия и распри, аулы и отдельные роды ссорились между собой, а подчас даже шли друг на друга открытой войной.

Мансур понял, что такая междуусобица грозит Северному Кавказу гибелью и что только дружный отпор всех горцев сможет остановить организованное наступление русской армии.

И вот, он взялся за дело об'единения горцев и стал проповедывать, что так жить, как живут его соплеменники, нельзя.

Первый этап к возрождению (и об'единению), по мнению Мансура, должен был заключаться в достижении нравственного совершенства. Необходимо было прекратить раздоры, помогать друг другу и жить так, как сказано в Коране. Рассуждая так, Мансур, как ученный арабист, не мог пройти мимо учения тариката, в котором ясно указывался „путь к познанию Бога", давались разработанные нормы нравственного совершенства. Но перед лицом смертельной опасности, он, как практический политик и врожденный народный вождь, не мог приять тарикат в чистом виде, ибо в своей основе последний почти граничил с христианским догматом „непротивления злу". Совершенство духа, согласно Мансура, нужно было прежде всего для борьбы. Тарикат же призывал к смирению и покорности, из своих последователей делал не воинов, а богобоязненных монахов.

Выход был найден в компромиссе. Из тарикатского учения Мансур восприял иерархические формы и нравственные нормы, разработанные на основе велений Корана, а так же само название. Весь-же остальной мистический багаж, заставляющий тарикатистов совершенно отрешиться от мирской суеты и искать спасения души в постоянной молитве, был отброшен. Спасение души, говорил Мансур, можно обрести в борьбе с неверными — русскими, но для того, чтобы бороться с успехом, необходимо вновь вернуться на путь Божий, на путь тариката. Такое толкование тариката превращало северо-кавкасских тарикатистов в воинствующий религиозный орден, борющийся с врагом за сохранение национальной независимости своей страны.

Первым главой этого ордена был его основатель — Имам Мансур.

„Наложив на страну трехдневный пост (мархо), — описывает первые шаги Имама-Устаса Умалат Лаудаев*) — он с приближенными своими мюридами, стал навещать аулы, сопровождаемый пением зикра (славословия). Жители выходили к нему навстречу, каялись перед ним в грехах и обращались к тоба (покаянию); они обязывались не делать дурных поступков, как-то: не красть, не спорить, не курить табаку, не пить спиртных напитков, но усердно молиться Богу, не пропуская всех назначенных сроков. Народ признал Мансура своим устасом, т. е. ходатаем перед Богом: целовали полы его одежды, и так увлеклись религиозным настроением, что прощали друг другу долги, прекращали тяжбы и прекращали долговечную кровавую месть. Люди открывали один другому свои сердца, изгоняя из них злобу, зависть, корысть и ненависть. Говорят, что тогда народ до такой степени обратился на истинный путь, что найденные случайно вещи или деньги привязывались на шесты и выставлялись на дорогах, пока настоящий владелец не снимал их".

Из этого описания мы видим, что новое учение (вернее — старое учение в новом издание) превратилось в всенародное движение, а его основатель стал общепризнанным народным вождем. Еслибы Мансур подошел к народу с проповедью тариката в его прежнем виде, не возбуждал-бы в народе дерзания к борьбе, то его успех не превысил-бы успеха его предшественников. Но тарикат Мансура был воплощением активного действия, его динамика захватывала массы.

„Во всех аулах Северного Кавказа — пишет Нарт в „Кавкасском горце"*) — джигиты стали седлать своих коней, чтобы итти под победоносное знамя Имама (Мансур только что перед этим уничтожил

---

*) Умалат Лаудаев — „Чеченское племя", „Сборник сведений о кавкасских горцах", т. VI.

*) „Кавк. горец" № 2—3, Прага, 1925.

5 тыс. отряд полк. Пьери — А. С.) и сражаться с русскими за свою свободу.

Толпами, по 200, 300 и даже 600 человек, горцы начали стекаться в Чечню, предводительствуемые своими испытанными и верными вождями. Тут были горцы из Дагестана (аварцы, лаки, даргинцы), из Осетии, Кабарды и даже из далекой Кубани и Черноморья".

Такова была притягательная сила нового движения.

Со смертью Мансура, тарикатское учение вернулось вновь к своему первоначальному виду. Оно опять стало достоянием немногих праведников, которые в тиши своих домов, в молитве и воздержании, стремились к совершенству.

Между тем, в начале XIX столетия, русские стали укрепляться в плоскостном Дагестане и делать попытки занять и нагорный Дагестан. В бассейне Терека и Кубани цепь укреплений и казачьих станиц придвинулась так-же ближе к горам. Казалось, судьба Северного Кавказа уже решена, и ему предстоит бесславно отдаться в русские руки.

И вот, в этот почти безнадежный момент, на сцене опять появляется тарикатское учение, возбуждая в массах и на этот раз новую энергию и утверждая в них волю к борьбе.

Возродителями воюющего тариката была Имамы Гази-Магомет, Гамзат-Бек и Шамиль, при чем наибольшее организационное совершенство и силу учение получило при Имаме Шамиле. Шамиль, по образному выражению Магомета Тагира из Караха, — „очистил, обновил и возвеличил веру Аллаха".*) Его правление было наиболее блестящим периодом тариката, ознаменовавшись рядом громких побед над зарвавшимся и обнаглевшим врагом.

Основы и дух тарикатского учения в XIX столетии были вполне тождествены с таковыми же времен Имама Мансура. И в XIX стол. религиозные моменты играли в них лишь подсобную роль;—были лишь средством, но не целью. Русский историк, ген. Фадеев, в следующих словах характеризует деятельность Шамиля — наиболее выдающегося из Имамов: „Выступив вначале как религиозный вождь, он (Шамиль) слил горцев в одно общественное тело, создал средства до него невиданные, осуществил политический идеал мюридизма". (Разбивка наша — А. С.).

И действительно, Имамы, прежде всего, преследовали политическую цель — изгнать русских с оккупированных ими земель. Религия и тарикат в этом стремлении играли лишь роль связывающего и организационного начала, долженствующего облегчить достижение главной цели. Тарикатисты, в силу этого, составляли орден, воюющий не за религиозные, а за национальные идеалы —„воюющий" в буквальном значении этого слова. Этот факт составляет основную разницу между тарикатским учением на Северном Кавказе и тарикатским учением вообще.

„Мы, смиренные божьи рабы, — писал Гази-Магомет в своем первом воззвании к горцам — сильные сознанием правоты своего дела и верою в конечное торжество его, неизменно верное, друзья истинноверующих и беспощадные враги безбожников и грешников. Да благословит Аллах всех своих покорных рабов! Затем ставлю вас в известность, что мы твердо решили защищать божью веру и посвятить всю свою жизнь этому богоугодному делу. Наши требования пусть не тяготят вас, совесть нечестивцев да не совратит вас с пути истины. Если вы искренне раскаетесь в своих грехах, ваша жизнь, ваш домашний очаг, ваше хозяйство и все имущество не подвергнутся никакой опасности. Если-же будете упорствовать в своих грехах, злых деяниях и заблуждениях, то мы, как только наступит оттепель, нагрянем на вас с несметными силами и сметем вас с лица земли. Мы разорим вас, мы с позором выгоним вас из ваших аулов, из ваших гнезд. Мы, во что бы то ни стало, покорим и жестоко накажем вас. Еще раз повторяем вам: мы восстали ради спасения правоверных и на погибель неверных. Дорогие братья, выкажите побольше разума, смирения, твердости, мужества и богобоязни. Мы надеемся победить русских, мы верим, что злоумышлениям гяуров не суждено осуществиться, ибо Бог не на стороне неверных".

Это воззвание является по существу идеологией тарикатского учения во времена трех Имамов XIX столетия. „Злоумышления гяуров" знаменали рабство

*) Маг. Таг. из Караха — „Три Имама" (пер. с арабской рукописи), „Сборн материалов для описания местностей и племен Кавказа" вып. 45.

для Северного Кавказа, и для борьбы с этими „злоумышлениями" он восстал под знаменем тариката. Дух тогдашнего времени исключал возможность борьбы под иным знаменем; Имамы это учли, и в этом их заслуга. Заслуга их так-же и в том, что они никогда не злоупотребляли своим знаменем.

С падением Имамата тарикатское учение времен Имамов закончило фактически свое существование. Правда, „мюридизм" на Северном Кавказе не исчез, но условия русского режима изменили его внутренюю сущность. Из движения — скорее светского, чем религиозного — он превратился в мистическое сектанство, а главное, потерял свое единство, разбился на множество отдельных толков, зачастую, враждующих между собой.

Естественно, в этих условиях он потерял прежнее значение в национально-освободительном движении Северного Кавказа и ему, едва-ли, суждено стать вновь той динамической силой, которая организовывала и двигала горцев на борьбу за сохранение своей свободы.

Национально - освободительное движение на Северном Кавказе должно будет сохранить тот характер просвещенного и демократического национализма, под знаменем которого оно ведет борьбу в настоящий момент.

Тавриз, ноябрь 1933.

Батчери

Основоположники осетинской литературы

В прошлом номере нашего журнала г. Али Султан ознакомил нас с краткой историей кумыкской литературы. Наиболее знаменательным в изложении Али Султана было то, что он подчеркнул общегорский характер кумыкской литературы, показал нам, что литература, кумыкская по языку, является по существу литературой общегорской, составляет племенную разновидность национальной литературы Северного Кавказа.

Точно такой-же разновидностью является и литература осетинская. Разбирая ее и сравнивая с литературой кумыкской, мы увидим, что разница здесь только в языке—тематика-же, дух, идеология и т. д. у них одинаковы. Это — родные сестры, дети единой матери, имя которой — горская действительность.

Представители осетинской литературы, достойные внимания, — немногочислены. Число их, как и в кумыкской литературе, ограничивается несколькими именами, принадлежащими старшему поколению писателей — основателей осетинской литературы.

Во главе их идет Мансураты Темирболат—первый осетинский поэт.

МАНСУРАТЫ ТЕМИРБОЛАТ

Мансураты Темирболата воспитала русская школа, хотя он родился за 20 лет до окончания кавказской войны. Взятый в т. н. аманаты он окончил один из кадетских корпусов в Петербурге и был даже некоторое время офицером русской армии. В 1865 г., вместе с своими родными, он порван был эмиграционной волной и переселился в Турцию.

Писать он начал в эмиграции. Вынужденное изгнание стало основным стимулом его творчества. Он был певцом скорбной недоли нашей старой эмиграции. Тоска по Родине — вот основной мотив его поэзии.

„О горы, о родимый край!
Ну как нам жить без вас ? ! " —

восклицает он неоднократно в своих произведениях. В эмиграции он, подобно кумыкским поэтам, видит трагедию горцев. „Народ наш несчастный разорван на двое", „жестокий вепрь налег на грудь нашей Родины" — пишет он в стихотворении „Думы".

Он борется с ассимиляционным влиянием Турции. В своей „Колыбельной песне" он внушает ребенку-горцу „не стать турком" и помнить, что „в нем искрятся капли кавказской крови".

В его творчестве ощущается даже прометеизм. Он знает, что Россия — это „страна царя, угнетающая народы", в ней „много-много родного люду стонет—страдает в Сибири".

Писал Темирболат арабским шрифтом. Некоторые из его стихов впервые были напечатаны лишь в 1923 г. в советских осетинских изданиях. До этого-же произведения его не печатались. Но, несмотря на это, многие из стихов Темирбола-

та каким то чудом доходили до Осетии и, передаваясь здесь из уст в уста, сохранялись в памяти народа.

Темирболат умер в 1898 г. в м. Токат в Сивасском вилайете. Говорят, что он оставил значительное литературное наследие, которое хранится у родственников поэта в Турции. Наследие это до сих пор не было никем изучено, ни, тем более, опубликовано.

ХЕТАКГАТТЫ КОСТА

„Башня народной славы", „Звезда нашей литературы" — так обычно называют осетины Коста. И действительно, несмотря на то, что Коста писал свои стихотворения еще в 80-тых годах прошлого столетия и умер почти 30 лет тому назад, он остается на небе осетинской литературы звездой первой величины.

Литературное наследие Коста на осетинском языке состоит всего из шести десятков стихотворений и песен, собранных в сборнике „Ирон фандыр" („Осетинская бандура"). Но эти шесть десятков стихов и песен до сих пор составляют шедевр осетинской литературы, никем еще не превзойденный. Коста был истинным мастером осетинского слова. По образному выражению одного из немногочисленных критиков-осетин, Коста „на языке, не обладающем еще ни достаточным разнообразием форм и выражений, ни достаточной разработанностью, стал „играть", как иногда скрипач-виртуоз играет сложнейшие мелодии на одной струне".

В творчестве Коста господствуют горы, горные ущелья, бедный горский аул и бедное горское население. Ко всему и ко всем здесь он подходит с глубокой симпатией, состраданием и любовью. Изображая поистине жуткую действительность, Коста, как бы, говорит своими образами: „Смотрите, вот к чему ведет господствующий русский строй!"

Таково, например, его стихотворение „Додой" („Вопль"), которое мы приводим ниже в почти дословном переводе:

Пусть стонут горы родные;
лучше бы мне видеть их превращенными в черный пепел;
пусть вас обвал задавит, наши передовые люди,
если никто из вас не может зашевелиться, как подобает мужчине.
Пусть хоть где-нибудь сердце, рыдая, задрожит,
пусть хоть кого-нибудь затронет горе народа...
...Крепкими цепями скованы наши члены,
святыни народные оскверняются...
Мертвецов не оставляют в покое. Отняли землю.
Секут лозой от мала до велика.
Мы бросили родину, разбившись на части,
подобно стаду, вспугнутому диким зверем.
Приди-же, приди пастырь желанный,
мудрым словом своим собери нас во едино.
О горе! Враг гонит нас к пропасти,
а мы, потакая тщеславию, гибнем без славы.
Во имя счастья народа может загреметь и скала...
Эй, отзовись кто-нибудь! Гибнем совершенно!

Стихотворение это было напечатано только после революции, а до этого ходило по рукам в рукописном виде, распеваемое тайно молодежью.

Аналогичный характер носит и стихотворение „Катай" („Тоска"), которое поэт заканчивает следующим возгласом:

Мой друг, да постигнет тебя смерть от раскаяния,
если ты когда-либо пришельца сделаешь своим господином.

Группа осетин, претендовавших на звание народных представителей, желая выслужиться перед начальством, подает „на высочайшее имя" прошение о том, что осетины, как „верные сыны России", хотят отбывать воинскую повинность наряду с русскими.

Коста реагирует на этот акт стихотворением „Салдатаг" („Рекрут").

Да не найдет душевного покоя тот,
кто разрушает добровольно жизненный строй наш—

говорит он в этом стихотворении по адресу непрошенных ходатаев, желающих одеть осетин в русский армейский мундир.

Или, например, в стихотворении „Азар" („Спой") поэт говорит:

Пой! пока сердце твое не покрылось черной болью от людских невзгод и горя...
Пой! Не в нашей воле уже головы наши, и земли отняты у нас.

Таков основной мотив творчества Коста. В нем мы видим, прежде всего, протест против гнета и чужестранного насилия, а так-же безмерную любовь к родным горам, родной действительности.

Поэзия Коста всецело исходит из горской действительности. В этом ее сила и значение в общегорском масштабе. Мотивы его поэзии способны вызвать одинаковые чувства и у кабардинца, и у осетина, чеченца, аварца и т. д., ибо в основе их лежит горский быт и общегорская недоля.

Для осетин же, повторяем, творчество Коста представляет еще и никем не превзойденный поэтический шедевр. Граненный стиль его стихов до сих пор служит предметом мечтаний для всех осетинских поэтов нашего времени.

БРИТАТТЫ СОЗЫРЫКО

Подобно Бек-Болату в Кумыкетии, Созырыко Бритатты был драматургом. Он основал осетинскую драму. Творчество его отличается необыкновенной глубиной анализа; он тонкий психолог, в совершенстве знающий горскую душу. Основным мотивом его творчества является влияние адата на горскую жизнь и драматические конфликты, которые возникали в результате столкновения старого горского мировозрения с надвигающимся с севера разлагающим влиянием новой жизни. Он глубоко осуждал проникновение русской культуры в горскую жизнь. В адате-же, наоборот, он видит начало, которое вырабатывает цельные и сильные характеры, предохраняя их от поглощения соседней культурой враждебного народа.

В пьесе „Уарашедзау" („Побывавший в России") он наиболее ярко выявил эту сторону своего творчества. Герой пьесы, Мусса, побывавший в России, приносит в свой аул разлагающий аромат русской культуры. Мусса старается подчеркнуть свое „превосходство", свою „культурность", пренебрегая самыми элементарными велениями адата. В результате, он встречает всеобщую враждебность сородичей, над ним смеются, его бойкотируют. Дело кончается тем, что Мусса не выдерживает всеобщего осуждения; он бежит обратно в русский город—в Россию. Адат торжествует, старые добрые нравы побеждают, сохраняя горский аул от разложения.

Но не только борьба за чистоту горских нравов, за культурную самобытность горцев была предметом творчества Созырыко Бритатты. В ней в равной степени сильны были и национально-освободительные тенденции, рельефно выделялся призыв к борьбе с гнетущим режимом русского владычества. Такова его драма „Хазби", в которой он представляет в литературной обработке образ Хазби—исторического героя осетинских масс, последнего вождя Осетии в общем фронте борьбы горцев с русской экспансией. Хазби, в драме Бритатты, отлично сознает, что утверждение русских на Кавказе несет Осетии лишение свободы и цепи порабощения. Борьба с огромным противником не кажется ему безнадежной, ибо он надеется втянуть в нее все соседние ущелья. Однако, надежды Хазби не сбылись, ему не удалось привлечь к себе соседние ущелья. Автор отмечает, что у них не оказалось так необходимого понимания единства национальных интересов. В результате, окруженный кольцом русских войск, Хазби с немногими сотоварищами погибает смертью героя. Умирая, он завещает народу необходимость об'единения, а также непримиримую вражду к русскому игу. Торжествующий враг завершил уничтожение смельчаков Хазби разгромом его аула, избиением старцев и насилиями над женщинами.

В своем дальнейшем развитии творчество Бритатты переходит от вопросов чисто национальных к разрешению проблем общечеловеческого значения. Такова его предсмертная символическая драма „Амиран", основанная на кавказском варианте легенды о Прометее. Вот как характеризует это предсмертное произведение осетинский критик А. Тибилты:*)

„Могучий титан Амиран, прикованный Громовержцем к кавкасской скале, символизирует по замыслу Бритаева порабощенное человечество, которое в бліском грядущем сбросит с себя оковы материального и духовного рабства. В основе „Амирана" лежит осетинский вариант известного мифа о великом похитителе небесного огня Прометее. Эта глубокая по скрытому в ней смыслу легенда послужила источником одной из тех вечных идей, к которым мировая литература возвращалась в разное время в лице таких колоссов, как Эсхил, Гете и Шелли. Несмотря на это, своеобразность осетинского варианта и поэтическое чутье уберегли Бритаева от шаблонных путей в разработке избитого сюжета. Правда, он уклоняется от народного представления об Амиране, как о насильнике, посягнувшем на правую волю Бога, и вносит эсхиловское понимание в освещение образа этого титана, но во всем остальном он оригинален и стоит прочно на почве осетинских мифических возрений. В глубине кавкасских гор, на недосягаемой высоте, страдает Амиран, замкнутый в пещеру и прикованный к скале железными цепями. Неумолимый враг его Громовержец, в союзе с темными силами, зорко охраняет вход в пещеру от человеческого взора, потому что только смертному человеку суждено разбить оковы Амирана. Промчалась безконечная вереница веков, а скорбная Дева-Надежда, воплощенная мечта Амирана о конечной победе над Богом, тщетно ожидала того, кто должен со-

*) А. Тибилов „Творчество Бритаева", „Изв. Осет. Научно-Исслед. Инст. Краеведения", вып. I.

вершить подвиг освобождения великого страдальца. Наконец, судьба завлекает в дебри, скрывающие пещеру Амирана, самого смелого из всех пастухов, безумного Беса. Он пьет из источника слез и крови Амирана и загорается огнем прометеевской идеи восстания против тирана, захватившего небо и обездолившего смертных людей. Ободряемый Девой-Надеждой, Беса спускается обратно в долину, строит кузницу и кует в ней цепь избавления для закованного Амирана. Преодолев нечеловеческие испытания, отверженный людьми и даже любимой женщиной, опираясь только на сочувствие „рабочих с острова", он неуклонной поступью шел к своей цели. И когда была готова цепь, крепостью равная творениям Небесного Курдалагона (Небесный Кузнец—Б.), Беса с торжествующим гимном направился к скале Амирана, по пятам преследуемый озлобленными врагами. И только в последний момент, когда Громовержец в пылу отчаяния и беспредельного гнева обрушился страшными карами на восставшее в лице прометидов человечество, Беса, подавленный страданиями своих собратий, отпрянул назад и был сражен молнией. Но дело, во имя которого сгорел безумный Беса, не погибло, потому что своей смертью он проложил тропу к источнику крови и слез Амирана, и за ним стали свежие ряды новых прометидов...

...„Амиран" лебединая песня Бритаева. В нем его талант достиг полной зрелости и развернулся во всю поэтическую силу. Оригинальность сюжета, глубинность содержания, стройность композиции и стремительность в развитии драматического действия, яркость образов, необыкновенно-красочный, музыкально-стильный язык возводят „Амирана" в перл художественного создания, ставят его на ряду с лучшими образцами мировой литературы. И в тот момент, когда Бритаев поднялся до горных высот своего поэтического восхождения, смерть сразила его".

Созырыко умер в 1923 г. Ни одно из его произведений, включая и „Амиран", до сих пор не увидило печати. Основным препятствием для напечания были цензурные условия. Дух творчества Бритатты не удовлятворял царский режим, враждебным и вредным считает его и сегоднешний режим большевистский.

Однако, несмотря на это, произведения Созырыко широко известны осетинским массам. И в Осетии, также как и в Кумыкетии, литературные произведения распространялись в рукописном виде, возвращая нас к древним временам, когда книгопечатание не было еще известно. Многие произведения Бритатты — прежде всего, „Хазби", „Худынаджи басты малат" („Вместо позора — лучше смерть"), глорифицирующие национальное чувство и адат— были до революции излюбленным репертуаром любительских трупп в осетинских аулах. Цензура в те времена не могла добраться до аулов, ибо представления проходили без излишнего шума и народ умел хранить свои тайны.

Сейчас, как нам известно, творчество Бритатты находится под строгим запретом. При совершенстве с сыска у большевиков, вряд-ли возможны даже такие „неофициальные" представления, какие имели место при царском правительстве.

* * *

Темирболат, Коста и Созырыко должны быть названы, по справедливости, основоположниками осетинской художественной литературы. Последние же два являются и мастерами слова высшего класса, которые никем в осетинской литературе еще не превзойдены.

Но кроме этих лиц, осетинская литература имеет и иных представителей. В первую очередь к ним относится Кубалты А., написавший весьма удачную в литературном отношении бытовую драму „Афхардты Хасана" и драму историческую „Алгузы малат („Смерть Алгуза"), сюжет который построен на грузинской поэме о легендарном осетинском царе Алгузе. В печати из этих произведений появилась только „Афхардты Хасана".

Затем, следует еще отметить Гурджибетты Блашка, написавшего сатирическую комедию „Адули" („Недоросль"), до некоторой степени являющуюся подражанием „Недоросля" Фон-Визина. Язык комедии весьма живой и образный. „Адули" также не было напечатано, хотя являлось излюбленным репертуаром осетинских любителей-театралов. Гурджибетты издал еще небольшой том стихов. Писал он в дигорском диалекте.

Наконец, в осетинской литературе имеются и переводы с иных литератур. Самым удачным, даже замечательных, из них можно назвать перезод „Вильгельма Телля" Шиллера, произведенный Амбалты

Цоцко. Перевод был издан в 1924 году в Берлине издательством Гутнаты Эльбыздыко.

Осетинский текст „Вильгельма Телля" сопровождается весьма интересным осетинским-же предисловием (книга содержит еще два предисловия на немецком и русском языках), в котором поясняется сюжет драмы Шиллера. Автор, вначале предисловия, сравнивает Швейцарию с Кавказом, отмечая, что население Швейцарии равняется всего половине населения Кавказа. Затем он пишет, что Швейцария сейчас независимое и единое государство, но что раньше она состояла из множества отдельных племен, разобщенных и разбросанных по различным ущельям. В дальнейшем он переходит к описанию борьбы швейцарцев за свою независимось и здесь, между прочим, пишет следующее:

„Никогда для народов Швейцарии не наступило такое время и никогда они не пали так ниско, чтобы позволить себе сделаться чьим-либо рабом или-же позволить кому-либо осквернить свою честь.

Когда их кто-либо побеждал, они все-же, не переставали бороться... Если-же и переставали, то только для того, чтобы собраться с новыми силами для еще более жестокой борьбы со своими смертельными врагами.

Эта непрерывная борьба в конце концов послужила на пользу народам Швейцарии: им удалось достигнуть того, чего они не могли достигнуть раньше: они победили и свои горы — победили те горы, которые не позволяли им об'единиться, и постепенно из различных племен отдельных ущелий создали единое государство.

В настоящее время Швейцария самостоятельна, ее никто не угнетает, а народы ее строят свою жизнь согласно своим обычаям..."

В этом предисловие на первый взгляд, будто-бы, нет ничего замечательного. Но, если мы примем во внимание, что книга печаталась для распространения в Осетии (Цоцко получил даже за свой перевод награду Сев.-Осет. Научно - Исслед. инст.), то, сравнение Швейцарии с Кавказом и только что приводимый отрывок, приобретают специфическое значение. Не одну читающую голову они заставляют задуматься над тем, что сейчас твориться на Кавказе. Большевистская цензура не обратила внимание на предисловие, и книга совершенно свободно распространена на Кавказе и в России.

Все перечисленные авторы писали до появления большевизма на Кавказе. Уже одно это говорит о том, что большевистские веяния не могли найти отражения в их творчестве.

Однако, и молодая осетинская литература (не та, которая сейчас печатается в советских типографиях, а та, которая по старому распространяется в рукописном виде) идет по тому пути, который оставлен ей ее основоположниками. Так например, из 4 произведений, признанных наилучшими по форме в конкурсе на драматические произведения при Сев.-Осет. н.-иссл. институте в 1926 г. (на конкурс представлены были 41 произведение), 3 были признаны по содержанию „идеологически не выдержаными". Всюду в них— „идеализация старины, старого быта" и т.д. Конечно, ни одно из них не было напечатано.

Естественно, в этих условиях не может быть и речи о нормальном развитии осетинской литературы. Все самобытное, все то, что действительно в ней национально — „народно" в лучшем значении этого слова, находится под запретом. Также, как в кумыкской литературе, в ней фаворизируется „творчество на заказ", печатаются бездарные подражания Маяковского, Демьяна Бедного и пр. „пролетарских поэтов".

Но эта поэтическая макулатура отнюдь не представляет осетинскую литературу. Осетинская литература—это „Ирон фандыр" Коста, это „Хазби" и „Амиран" Созырыко, это, наконец, то, что осуждается на официальных конкурсах, как „идеологически невыдержанное", или даже совсем не посылается на конкурсы, ибо авторам в лучшем случае грозит ссылка в „места не столь отдаленные".

Осетинскую литературу надо искать по старому в подполье, наряду с иными горскими литературами. Там она развивается и крепнет, укрепляя одновременно в массах национальный дух Северного Кавказа.

Среди эмиграции — Muhacirler arasında

SURiYEDE

Aldığımız malumata göre Suriyenin Kabtara şehrinde „Çerkes Edebiyat Cemiyeti" namı aletında bir teşkilat vücüde gelmiştir. Bu cemiyetin teşebbüsü ile ayni şehirde adiğe mektebi açılmıştır. „Çerkes Edebiyat Cemiyeti" 1928 den 1931-e kadar yaşamış ve Suriye hükûmetinin emrile tâ'ili faaliyet etmiş „Ğerkes Birliği" yerine teşekkül etmiştir. O zamanlar „Birliğin" „Marc" nam gazetesi de kapatılmıştı.

„Çerkes Edebiyat Cemiyeti" Suriyenin Şam, Homs ve çerkeslerin yaşadığı sair şehirlerinde dahi birer şube açacağı gibi „Adiğe Bze" (Adiğe dili) namında bir mecmua neşredecektir.

Malum olduğu üzre bugünlerde Fransa Suriye ile aktettiği bir muahede mucibince Suriye mandadan halas olmuştur. Bu münasebetle Suriyedeki kardeşlerimiz tarafeyne müracaatle kandilerinin akalliyet haklarının tanınmasını reca etmişlerdir. Aynimes'ele hakkında Milletler Cem. nezdinde dahi ikdamatta bulunmuşlardır. Elde edilen netice, maalesef, bize daha malum değildir.

HELSiNKi'DE „PROMETE" CEPHE

Bu yılki siyasi sezon Finlandiyanın Helsinki (Helsingfors) şehrinde 20 Birinci Teşrinde vaki olan yıllık umumi ictima ile başlamıştır. Heyeti ipare azalerinden çoğu yeniden intihap edilmişlerdir. Eski heyeti idareye, umumi ictima teşekkür etmiştir.

Finlandiyada Şimali Kafkasya millî davasının yorulmaz propagandacisi, aziz dostumuz M. Vesa İkinci Teşrinin 19 nde Promete klubunun toplantısında milli savaşimıze dair mufassal bir konfrans vermiştir.

Bundan ilave M. Vesa fin matbuatında memleketimiz hakkında bir kaç makale neşretmiştir. O cümledem olmak ürze, Finlandiyanin en maruf gazetelerinden resimli „Hakkapellüla" da eskį muhacirlerimize dair M. Vesa'nin bir makalesi çıkmıştır. Bu gazete, kądın ve erkek te danil olmak üzre, 200.000 azası alan „Şutskor" nam gônüllü askerî bir cemiyetin orgamdir. Bugünlerde en maruf resimli naftalık mecmualardan birinde Şamil-e dair bir makalesi dahi çıkacaktır.

ÇEKOSLOVAKiYADA

Bu yıl Birinci Teşrin ayının başında Brno şehrinin Çek— Leh klubunda mühendis Adil Bey Kulatti tarafindan „Şimalî Kafkasya" mevzuunda bir konfrans verilmiştir. İki saat devam eden konfrans mecliste hazir bulunan çek ve lehler tarafindan alaka ve dikkatla dinlenmiştir.

Konfranstan sonra mühendis Adil Bey sürekli ve devamli alkışlarla takdir edilmiştir.

В СИРИИ

Недавно в гор. Кабтара образовалось „Черкесское литературное общество". Там-же, стараниями этого общества, открыта адыгейская школа. „Черкесское литературное общество" образовалось вместо „Союза Черкесов", который существовал в Кабтара с 1928 г. и в 1931 г. прекратил свою деятельность по приказу правительства Сирии. Тогда же был закрыт и орган Союза—газета „Мардж".

„Черкесское литературное общество" намерено открыть свои отделения в Дамаске, Хомсе и в других местах Сирии, где сосредоточены черкесские поселения. Общество будет издавать журнал под названием „Адыге Бзе" („Адыгейский язык").

На днях, как известно, Франция подписала с правительством Сирии договор об аннулировании мандатных отношений. В связи с подписанием этого договора, наши братья в Сирии выступили перед договаривающимися сторонами о признании за ними прав национального меньшинства. С аналогичным ходатайством обратились они и к Лиге Наций. К сожалению, результаты этих обращений нам до сих пор неизвестны.

ФРОНТ „ПРОМЕТЕЯ" В ГЕЛЬСИНКАХ

Текущий политический сезон начат был в клубе „Прометей" в Гельсинках (Гельсингфорсе) годичным общим собранием 20 октября. Большинство членов правления клуба собранием были переизбраны, при чем правлению была выражена благодарность за плодотворную работу в прошлый сезон.

19 ноября член правления г. Веса, наш друг и неутомимый пропагатор в Финляндии национального дела Северного Кавказа, на очередном вечере клуба прочел обстоятельный доклад о проблеме нашего освобождения. Кроме этого, г. Веса поместил несколько статей на наши темы в наиболее распространенных органах финской печати. В частности, одна из статей, в которой говорится о нашей старой эмиграции, помещена была в иллюстрированном „Hakkapellüla" — органе добровольной военной организации „Шуцкор", насчитывающей 200 тыс. членов мужчин и женщин. Еще одна статья должна появиться на днях в наиболее популярном еженедельном иллюстрированном журнале. Статья эта посвящена Шамилю,

В ЧЕХО-СЛОВАКИИ

В начале октября т. г. в Чешско-Польском клубе в гор. Брно инж. Адиль-Беком Кулатты был прочитан доклад на тему „Северный Кавказ". Двухчасовый доклад был выслушан с неослабеваемым вниманием многочисленными присутствующими чехами и представителями польской колонии в Брно. По окончании доклада, инж. Кулатты был награжден долгими и вполне заслуженными аплодисментами.

ТУРЕЦКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ЖЕЛАЕТ ИМЕТЬ ПРАВДИВУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ПОЛОЖЕНИИ УГНЕТАЕМЫХ РОССИЕЙ НАРОДОВ

Издающийся в Станбуле азербайджанский научно-исследовательский журнал „Азербайджан Юрт Бильгиси" („Краеведение Азербайджана") поместил знаменательное обращение к своих читателям. Редакция журнала в этом обращении просит доставлять ей для напечатания статьи, которые рисуют действительные задачи и идеологию национально-освободительных движений угнетаемых Россией мусульманских народов, а так-же представляют в правдивом освещении невыносимое положение этих народов в настоящий момент.

Обращение мотивируется тем, что, благодаря лживой и враждебной угнетаемым Россией народам пропаганде, турецкая общественность, а в особенности учащаяся молодежь, не всегда надлежащим образом информированы о сущности того огромной важности процесса, который с каждым днем усиливается в пределах СССР и который в недалеком будущем должен радикальным образом изменить карту Восточной Европы и значительной части Азии.

Всем, желающим сотрудничать в этой важной для нас акции с „Азербайджан Юрт Бильгиси", сообщаем адрес журнала: „Azerbaycan Yurt Bilgisi", Universite Turkiyat Enstitüsü, İstanbul-Beyazit, Turquie.

АЙЯС-БЕЙ ИСХАКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Лидер национального Идел—Урала г. Айяс Исхаки выехал из Европы на Дальний Восток для об'езда тамошних тюрко-татарских колоний. Согласно сообщений мусульманской печати на Дальнем Востоке, г. Айяс Исхаки посетил Шанхай, где прочел несколько докладов, а затем выехал в Японию. В данный момент он находится в Токио.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ КАЛМЫЦКОЙ НАЦ.-ПОЛИТ. ГРУППОЙ И „ВОЛЬНЫМ КАЗАЧЕСТВОМ"

„Цаган Öвсни Дольган" (орган Калм. нац.-полит. группы) в "почтовом ящике" редакции сообщает о конфликте между Калмыцкой нац.-полит. группой и руководством „Вольного казачества". Причины конфликта, согласно сообщения, носят персональный характер.

Вести с Родины — Vatan haberleri

MÜSTEREK ADIĞEY ALFABESI YOKTUR

Mecmuamızın 40 nci nushasinda „Adiğey yazısının inkişaf yalları" başlıklı makalede ezcümle, vatanımızda Adigeyler arasında müşterek bir alfa be tatbik edilmekte olduğu kaydedilmişti. Bunun neticesi olarak Suriyedeki bir Adiğeyden bu yeni alfabenin nümüesini istiyen bir mektup aldık.

Çok teessüf, ki bu ricayi ifa edemedik, çünkü böyle bir alfabe mevcut değildir. Yukarıda işaret ettiğimiz makale sahibi yanlışlığa düşürülmüştü. Zira 1930 senesinde bir çok sovyet gazete ve mecmuaları müsterek, Adiğey alfabesinin mevcudiyetinden bir emri vâki gibi bansetmekte idiler. Sovyet matbuatında bu haber Abhaz, Kabarda ve Kuban çerkeslerinin 1930 nci yılda vuku bulan ilmî kongrelerinden sonra çıkmıştı. Bu kongrede umumî alfabe mes'elesi dahi müzakere edilmiş ve bir kararla böyle bir alfabeye çok ihtiyac olduğu tasrih edilmişti.

İşte gerek mecmuamızı, gerekse okuyucularımızı yanlışlığa düşüren hevadis buradan neş'et ediyordu.

Hakikatta ise, işaret ettiğimiz gibi, müşterek bir Adiğey alfabesi mevcut değildir. Kabarda ayrı, Kuban adiğeyleri de tam başka bir alfabe ile yazıyorlar. Dağıstan kabileleri arasında da ayni fark mevcuttur, yâni: avar, kazı-kumuk, kumuk ve digerlerine mahsus ayrı ayrı alfabeler vardır. Keza çeçenlerin, inguş hatta şimaldaki osetinlerle cenuptaki osetinlerin de bir birinden farklı hususî alfabeleri vardır.

Hali hazırda sovyet hukümeti abazalar için de ayrı alfabe yaratmak fikrindedir. Halbuki abazaların yakın akrabaları olan abhazların alfabeleri vardır.

Bütün bu alfabe sistemleri Şimalî Kafkasya halkının isteklerinden dogmıyor. Bilâkis simalî kafkasyalılar bütün varlıklarile birleşmeğe can atıyorlar ve bu birlik için de müşterek alfabeyi esas şart olarak telakki ediyorlar. Daha 1925 de, Şimalî Kafkasya kabilelerinin medenî muhafili is-

rari üzerine, sovyet hükûmeti, „Şimalî Kafkasya alfaberini birleştirme komisyonu" adile daimî bir heyet teşkil etmişti. Bu heyet şimdiye kadar Rostof'ta ictima etmektedir. 1931 de Rostof'ta medeniyet işçılerinin ikinci kongresi vuku buldu. Bu kongre müşterek alfabeye olan ihtiyacı bir daha kaydetti.

Fakat bu güne kadar ne inki müşsterek alfabe yaratılmamştır, hatta, Abhaz-Adigey, Çeçen—İnguş, Şimal ve Cenup Osetinleri, Karaçay—Balkar veilh... gibi birbirine çok yakın olan dil gruplarının alfabeleri bile birleştirilmemiştir. Bu geciktirme ve ihmal sovyet hükûmetinin şimalî kafkasyalıları parçalama siyasetinden doguyor. Sovyet hükûmeti bu suretle eski romalıların şiarı olan „Parçala ve hükmet" yolu ile gidiyor. Sovyet hükûmeti siyasî cephedeki taktikinl medenî cephede dahi tatbik etmektedir.

Siyasî cihetten sovyet hükûmeti vatanımızı sayısız „muhtar vilayetlere" bölmüş ve hepsinin başını her cihetten yabancı olan Rostof gibi rus şehrine baglamıştır. Medenî sahada ise dilimizi parçalamış ve sayısız alfabeler vücude getirerek, müşterek dil olarak yabancı rus dilini zorla tatbik ediyor.

Adiğey alfabesinin ve alelumum Şimalî Kafk. yazılarının bu çağa kadar birleştirilmediğini ancak „parçala ve hükmet" siyaseti izah ede bilir. Şimalî Kafkasya dilleri fonetik cihetten çok yakın olduklarına bakmıyarak, ondan fazla bir hale getirilmiştir.

Biz büyük bir kat'iyetle iddea ede bilıriz, ki vatanımızda rus hakimiyeti (kızıl mı, beyaz mı— farki yok) devam etlikce, müşterek Şimalî Kafkasya alfabesi meydana gelmiyecektir. Hatta birleştirilmiş bir Adiğey alfabesi, veyahut müsterek Çeçen — İnguş, Karuçay — Balkar, Abhaz — Abaza veilh... alfabeleli de beklemek abestir...

BIZDE ACLIK NEDEN OLUYOR?

Garbî Avrupa matbuatının, S.S.S.R. erazisi üzerinde ceryan eden hadiseler hakkında bitarafane mutalaa yürütmek becerigini muhafa eden kısmı, geçende Ukraynada acılıktan bahsetti. Ve bu acılıktan bir kaç milyon insan telef olduğunu da kaydeyledi. Başta Herriot olmak üzre, bolşeviklerin Avrupadaki dostları bu malumatın aleyninde bulunup, bunu yalan diye ilan ettiler.

Buna bakmıyarak elimizde olan malumat Ukraynadaki aclık haberini teyit ediyor. Yalnız bu kadar değil, bu malumat aclığın memleketimiz hudutlarını dahi aştığını göstermektedir. Bizdeki aclığı bize bildiren Kafkasyadan yeni gelmiş bir adamdır.

O adamın yazdığına göre, Şimali Kafkasyada mahsulun toplanmış olduguna bakmıyarak, aclık daha yazın nissolunmağa başlamıştı.

Bir traktorist — şòfer olan muhabirimiz, kolhoz tarlalarında çalışmak üzre Şimalî Kafkasyanın Çeçen, İnguş, Osetin gibi bir çok kısımlarında bulunmuştur. O, bulunduğu her yerde ahaliyi, ekmeğe hasret ve büyük bir ihtiyaç içerisinde bulmuştur. Bir çok aullarda kolhoz âzalerine verilen azuka, bu Eylül ayında, haşlanmış tuzsuz potates ile 300 gram taprak karışık misır ekmeğinden ibaret imiş. Bir çok kolhozlar uzun günlerle böyle bir ekmeğe dahi hasret imişler.

Bize malumat veren şahsın yazdığına göre bu açlığın sebebi, Sovyet hükûmetinin köy ahalisini sistematik bir surette soyduğudur. Zaten kollektivize kendisi de bu soyğun için tatbik edilmiştir. Kollektivize hükûmetin köy istihsalatını kontrol etmek işini kolaylaştırdı. İstihsale lâzım bütün canlı ve cansız vesait ile insanların emeği bu kollektiflerde murakaba altına alındı. Kimse kendi ihtiyacı için bir koyun, lüzumsuz bir inek öldüremez. Çünkü artık hususî mülkiyet yoktur, her şey kollektiflerin „müşterek malıdır". Kollektifler ise „her şeyden evvel devletin umumî ihtiyaclarını düşünecektir". Elde edilen mahsul, „devlet karşısındaki mükellefiyet ifa edilmeden", köylü arasında taksim edilemez.

Bunun neticesinde köy ahalisi yıllar var, ki et yüzü görmediği gibi gittikce ekmege de hasret çekiyor. Bütün „fazla" hayvan, bugday v. s. erzak devlet tarafından müsadere edilmektedir. Buna mukabil köylü, bu mahsulun asıl sahibi yarım ac, hatta tam ac bir hayat geçirmek mecburiyetinde kalıyor.

Sovyet devletinin karakteri sırf rus olarak kaldığı için bizde vaz'iyet bir kat daha vahimdir. Bütün mes'ul ve hatta gayri mes'ul mevkilerde oturan rus komünistleridir. Bu vaz'iyet komünist fırkasında, G.P.U. de ve Makine — Traktor istasyonları yanında kurulan siyasî bürolarda göze çarpmaktadır. Bu sonuncu, yanî siyasî bürolar, kolhozları ve alelumum köy ahalisini kontrol eden yeni bir tazyik ve cebir teşkilatıdır.

Bu teşkilatlar sırf rus teşkilatlarıdır. Buralarda yerlilerden yarsa onlar da en aşağı bir mevki işgal eder.

Devlet müesseselerinin ruslar elinde olması neticesinde köylümüzün üzerinde icra edilen soygunçuluk ve yagmagerlik son derece zalimane bir şekil almıştır. Hiç bir rahim, hiç bir müsaade yok. Her şey müsadere ediliyor. Rus — bolşevik hükûmetinin Şimalî Kafkasyada siyaseti bundan ibarettir.

İşte, bizim memleketteki aclığın asıl sebebi bu açık ve vahşi soygunçuluktur. Bizden alınan bugday rus şehirlerine götürülmekte, rus işçisine verilmekte, veyahut harice ihrac edilerek Moskva tarafindan altına tahvil edilmektedir. Milletimiz ise elinden alınan ekmeğine mukabil yeni idamlar, sürgünlerden başka hiç bir şey almıyor.

MAHSUL TARLADA MAHVOLMUŞTUR

Sovyet gazetelerinden „M o l o t" un yazdığına göre bu yıl Şimalî Kafkasyada mahsulun yüzde otuz nisbeti, toplandıktan sonra tarlada kalip mahvolmuştur.

O cümlıden, Birinci Teşrin ayının başında Armavir mıntakasında 3.000 hekt. kadar, Labin mıntakasında 4.000 Çerkes muhtar vilayetinde 2.000 den fazla, Mozdok mıntakasında 3.640 hektar kadar bugday ve arpa taya halinde tarlada kalip mahvolmuştur.

Don, Ukrayna ve sair mıntakalarda dahi vaz'iyet aynidır.

„İzvestiya" gazete'sinin malumatına bakılırsa Ukraynada bu yıl, bu suretle mahsulun yüzde 40 nisbeti mahvolmuştur.

Mahsulun böyle umumî şekilde ve geniş mıkıyasta mahvolmasının sebebi ahalinin mahsulu toplamak istememesinden ileri geliyor. Çünkü ahali biliyor, ki hükûmet toplayacağı mahsulu elinden alacaktır.

MUHTELiF HABERLER

— Bu yıl Çeçenistanda kızıl orduya çagırma işi şu neticeyi vermiştir: Staropromısl ve Sunc (Kazaçiler) nahiyesile Sunc-Kale (Grozni), yâni rusların ekseriyet teşkil ettiği yerler 100% çagırmaya icabet etmişlerdir.

Sırf Çeçenlerle meskün mıntakalarda netice şudur:

İtum - Kalın nahiyesi 80,8%, Veden — 80,2%, Şatoy — 72,5%, Gudermes 69,4%, Şalın - ve Urus-Martan — 50% den az, sonuncuda hatta % 31 nisbetinde davete icabet edilmiştir. Çeçenistanın dağlık mıntakalarında çagırışa icabet edenlerin nisbeti daha azdır.

— 12 Birinci Teşrin 1933 tarihli „İzvestiya" gazetesinin yazdığına göre Muhtar Dağıstan cumcumhuriyetinde bu oku yılı mektebe devam eden çocukların sayısı 200.000-i bulmuştur. Şimali Kafkasyanın sair muhtar vilayetlerinde (Yâni: Çeçen, İnguş, Şimali Osetin, Kabarda — Balkar ve ilh... ölkelerinde) mektebe devam edenlerin sayısı 250.000 dir. Meselâ: Kabarda — Balkar ölkesinde 42,000, Adigey ölkesinde 15,000 çocuk mektebe devam ediyor. Unutmamalıdır, ki bu hususta sovyet hükûmetinin hizmeti ehemmiyetsizdir. Mekteplerin çoğu ahalinin kendi tarafından inşa edilmiştir. Dağıstanda bir tek geçen yıl zarfında ahali 100 den fazla mektep binası yapmışır. Ahalinin yaptığı mektep binaleri kaç yüz bini bulmaktadır. Çeçen ölkesinde ahali tarafından 62, Osetiyada 23, Kabarda'da 18 mektep binası yapılmıştır.

— Psıhuab (Piatigorsk) şehri nahiyesinde, 12% — 15% nisbetinde bor ihtiva eden datolit mâdenleri keşfedilmiştir. (Bor-cam ve metallurji samayi inde zarurî olan bir ham maddedir).

Bu maden bütün S.S.R. de yeğanedir. Çünkü bundan evvelki maden yine Kafkasyada (Azerbaycanda) idi, fakat oda bitmek üzredir. İlk tahkikata göre dotolit ihtiyati şimdiki mahallinde 30.000 ton mıktarındadır.

Abhazıyanın Lıhtı nahiyesinde bakır, kurşun ve çınko madenleri keşfolunmuştur. Madenlerin derinliği üç metrodur.

— Terek-Kala (Vladıkavkaz) de „Şimalî Kafkasya servetleri muzesi" namında bir muze teşkil olunmaktadır. Muzeye Kafkasyanın tarih, adatan'anat, hayvanat, nebatat v. s. ait materyallar alınacanktır.

„БЛАГОТВОРНЫЕ" РЕЗУЛЬТАТЫ СОВЕТСКОЙ НАЦПОЛИТИКИ

„Г р о з н. р а б." о т 20 н о я б р я т. г. п и ш е т:

„На под'ездных путях Грознефти по плану коренизации должно работать 54 чеченца. Сейчас работает только 14, т. к. многие чеченцы с производства ушли в виду нечуткого отношения к ним и фактов явного шовинизма.

В депо под'ездных путей среди чеченцев не проводится никакой работы. Газета „Серло" не выписывается. В общежитии г р я з н о, п о я в и л и с ь к л о п ы. После дождя в общежитие трудно пройти, так как у самых дверей образуется настоящее болото.

На под'ездных путях есть случаи проявления шовинизма. Машинист Котиков отказался работать на паровозе с чеченцем.

— Уберите с паровоза национала, — говорил он, — или я не буду работать.

П р о с ь б у К о т и к о в а у д о в л е т в о р и л и. Помощник машиниста тов. Назиров (чеченец) работает в Грозном, а живет в Алдах; до сих пор ему не предоставили квартиру, хотя могли бы это сделать. Чеченец Хабаев работал контролером поездов и в борьбе с безбилетным проездом был одним из лучших ударников. Это обстоятельство не помешало отделу эксплоатации управления транспортом Грознефти перевести тов. Хабаева в главные кондуктора, т. е. понизить в должности.

Все эти факты извращения национальной политики совершаются при прямом попустительстве секретаря партячейки Аперонова. Было так. Сменившийся с дежурства нац-мен, переведенный на диэтпитание, пришел в столовую и стал просить обед. В обеде ему отказали, а секретарь партячейки Аперонов и начальник депо Лубенский завели этого чеченца в ячейку, отобрали у него книжки и приказали стрелку арестовать его за... буйство.

На другой день этот чеченец уволился, а всего з а 9 м е с. с п о д'е з д н ы х п у т е й у ш л о 125 ч е ч е н ц е в. Но все это не тревожит руко-

водителей депо, и большую текучесть чеченцев считают нормальным явлением".

Об аналогичных случаях гонений рабочих-националов, имеющих место в Азербайджане, сообщает газета „Заря Востока" так-же от 20 ноября т. г.

Газета пишет, что дирекция и партийная организация доков им. Паркоммуны (в Баку) „в течении долгого времени безнаказанно затирали и снимали с работы тюрков-рабочих, подчас искусственно создавая их текучесть в доках". В результате, „текучесть тюркских кадров в 1932—33 г.г. достигла 75%".

В том-же самом номере сообщается о том, что в Зугдидском отделении госуд. банка нет ни одного служащего, владеющего грузинским языком, и это в районе, где большинство населения не умеет говорить по-русски. Дирекция банка, пишет корреспондент газеты, не желает принимать служащих-грузин.

НЕФТЯНЫЕ БОГАТСТВА АПШЕРОНА

Долгие годы ученых занимал вопрос: есть ли нефть на южном побережье Апшеронского полуострова.

Обнаруженные последними разведками мощные нефтерождения в Лок-Батане и долине Пута говорят о том, что по мере отхода на юг, нефтеносные пласты не уменьшаются по своей насыщенности.

В беседе академик Губкин заявил, что действие второго сверхмощного фонтана в Лок-Батане еще раз подтверждает правильность предположений о богатстве нефтью грязевых вулканов во всей южной части, вплоть до Ленкорани. Можно предполагать, что за исключением небольшой части, пораженной жерлом, весь Лок-Батан исключительно насыщен нефтью во всех своих горизонтах.

В недрах юго-восточной части Кавказа таятся, — заявил Губкин, — колоссальные запасы нефти, которые сейчас трудно себе представить. Можно только указать, что все открытые месторождения нефти на Апшеронском полуострове представляют незначительную часть богатств скрытых в его недрах. („З. В." от 22 ноября т.г.)

КАК „ОНИ" ОТНИМАЮТ У ГОЛОДАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПОСЛЕДНИЙ КУСОК ХЛЕБА

Гудермесским районом обязательства по зернопоставке государству выполнены на 95 процентов. Казалось бы, район, взявший надлежащие темпы хлебосдачи, должен был усилить их по мере приближения к финишу. Между тем, ряд селений и тозов почти не сдвигаются с „мертвой точки". Происходит это потому, что ослаблен контроль над работой правлений тозов, колхозных ячеек и сельсоветов. Районные организации допустили свертывание массовой работы на местах и подменяют ее либо голым администрированием, либо оппортунистическим самотеком.

В настоящий момент наиболее отстающими участками по хлебосдаче являются аулы Бачи-юрт, Курчалой и Кады-юрт. Бачи-юртовский тоз им. Сталина обязан сдать государству 2.006 центнеров, но до сих пор сдал только 1.656 центнеров (52 процента), Кады-юртовский „Новый путь" вывез на ссыппункт 61 центнер, имея обязательство в 166 центнеров. Особенно плохо выполняют обязательства курчалоевские тозы. Тоз „Красный партизан" сдал 777 центнеров, а должен сдать 1.086 центнеров. (Гр. раб. от 21-XI-33).

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— Большевики изобрели для Сев. Кавказа еще один язык. „Молот" от 22 ноября сообщает, что под управлением некоего „товарища" Муратова на „олимпиаде самодеятельности" выступал хор, который пел на „ачикулакском языке". (Ачикулак, как известно, является самым крупным населенным пунктом в Ногае и населен ногайцами).

— В связи с исполняющимся 40 летием смерти писателяНиношвили театр им. Марджашвили в Тифлисе готовит пьесу „Гурия", „смонтированную" драматургом Шалвой Дадиани из произведений Ниношвили. Ставит пьесу режиссер Д. Антадзе, декорации художника Какабадзе. Армянский театр в Тифлисе, в связи с исполняющимся десятилетием смерти поэта Ов. Туманяна, готовит к постановке пьесу „Гикор" по повести Ов. Туманяна того-же названия.

— В Москве в текущем ноябре открылась выставка азербайджанских художников. Советская критика выделяет творчество художников Мангасарова, Хасан-Заде, Тагиевой, Расуловой и др.

— На Северном Кавказе недоимки по „плану мобилизации средств населения" (подписка на различные займы и т. п.) достигли 7.100 тыс. рублей.

— В Каганском районе (Узбекистан) обнаружен алебастр, дающий в соединении с глиной при высыхании цемент исключительной прочности. Этим раскрыт секрет строителей бухарских мечетей и других древних зданий Средней Азии. Открытие имеет большое научное и практическое значение. („Эк. жизнь").

— К 20 ноября по С. С. С. Р. заготовлено 1.132.624 т. хлопка—84,1 проц. годового плана. Впереди—Узбекистан, сдавший 746.444 т. сырца—93.1 проц. плана; в Азербайджане на 15 ноября заготовлено 100 тыс. тонн хлопка — 70.2 проц. плана. („Эк. жизнь").

MECMUA İDAREHANESİ, YENİ YILDAN İTİBAREN MECMUA ANCAK ALMĂK ARIZUSUNU BEYAN EDENLERE GÖNDERİLECEKTİR. MECMUAMIZI EDİNMEK İSTİYENLER DOĞRU ADRESLERİNİ MECMUA İDAREHANESİNE GÖNDERMELİDİRLER. MEKTUPLAR TAAHHÜTLÜ OLARAK MECMUA MÜDÜRÜNÜN ADRESİNE GÖMDERİLMELİDİR.

■ ■ ■

РЕДАКЦИЯ СООБЩАЕТ, ЧТО С БУДУЩЕГО ГОДА ЖУРНАЛ БУДЕТ ВЫСЫЛАТЬСЯ ТОЛЬКО ТЕМ ЛИЦАМ, КОТОРЫЕ ИЗ'ЯВЯТ (ИЛИ ИЗ'ЯВИЛИ) ЖЕЛАНИЕ ПОЛУЧАТЬ ЕГО. ЖЕЛАЮЩИЕ ПОЛУЧАТЬ ЖУРНАЛ ДОЛЖНЫ СООБЩИТЬ В РЕДАКЦИЮ СВОЙ ТОЧНЫЙ АДРЕС. ПИСАТЬ СЛЕДУЕТ ЗАКАЗНЫМ ПИСЬМОМ ПО АДРЕСУ РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА.

Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН — Mecmuanın müdürü: **BARASBI BAYTUĞAN**

Адрес редактора — **Włodarzewska Nr. 17 m. 18, Warszawa, Pologne** — Müdürün adresi

Адрес администрации журнала — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Mecmua idarehanesinin adresi

Zakł. Gr. F. Szwede Warecka 9